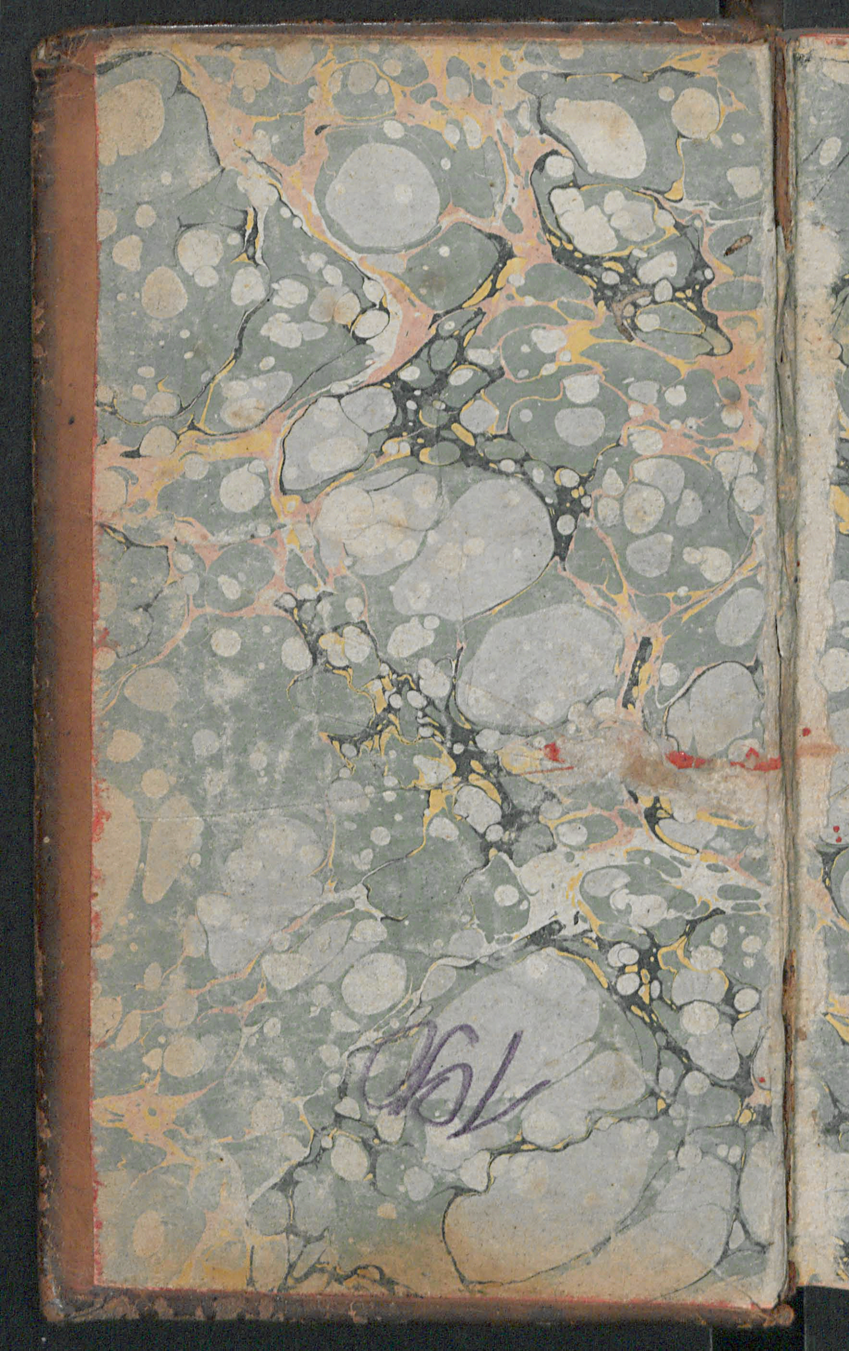
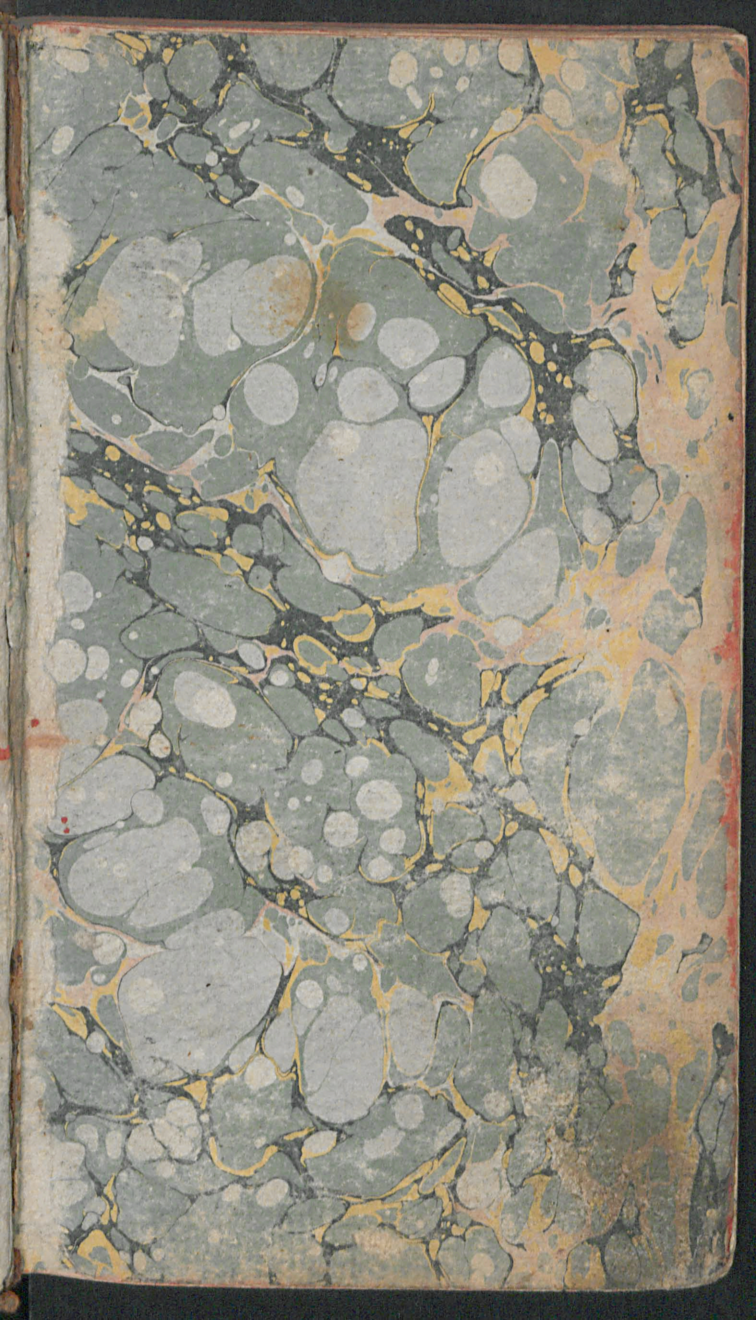
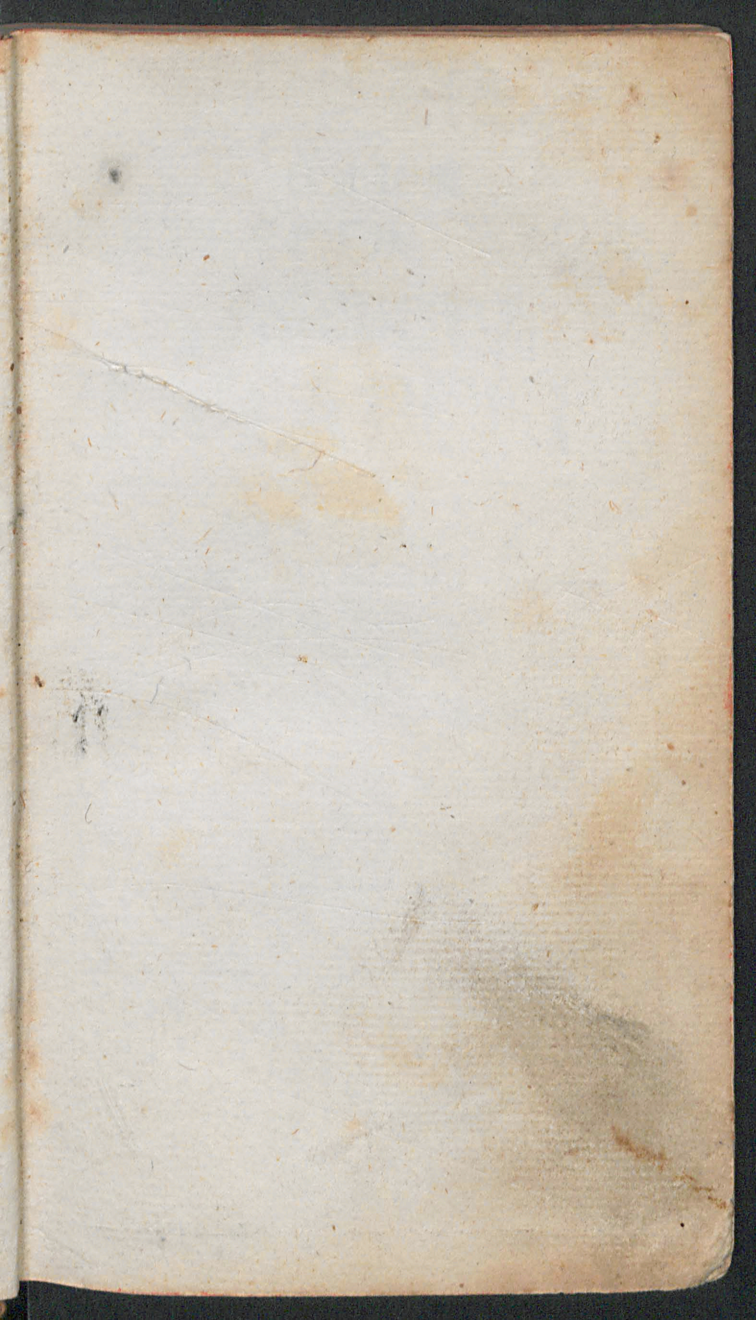

Геллет, Тома

с. 574 порвана

ТЫСЯЧА
и
ОДНА
ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА
ПОВѢСТИ
ТАТАРСКІЯ,

Часть третія

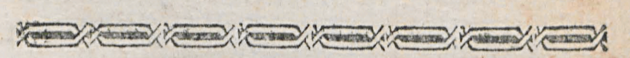
Переведены
съ
французскаго.

Печатаны при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ вторымъ тисненіемъ, 1778 года.

ТЫСЯЧА И ОДНА ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА; ПОВѢСТИ ТАТАРСКІЯ.

ТРИДЕСЯТЬ ШЕСТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Я оставила, государыня моя, продолжала молодая Принцесса Борнейская, нещастную Дубану и проклятаго Жида въ томъ же состояніи, какъ они были, и тотчасъ вошедъ въ Фарнасовъ

домѣ, почувствовала я въ себѣ передъ прежнимъ великую перемѣну.

Духъ принялъ насъ, Сидгиму и меня съ крайнею милостїю: любезные мои дѣти, говорилъ онъ мнѣ, не много людей въ ваши лѣта̀ и вашего по́ла приходятъ меня посѣщать: одно мое имя приводитъ ихъ въ ужасъ: я обыкновенно вижу въ моемъ домѣ стариковъ, ослабѣвшихъ отъ чрезмѣрнаго сластолюбїя, и женщинъ совсѣмъ дряхлыхъ: но когда вы вздумали прибѣгнуть ко мнѣ, то весьма справедливо было, чтобъ избавилъ я васъ отъ рукъ нечестивой Дубаны, пославъ къ вамъ кольцо разсужденїя. Сїе кольцо имѣетъ чудныя добродѣтели; оно отвращаетъ всѣ заблужденїя, въ которыя обыкновенно ввергаетъ насъ неразсудная младость и всегда волнующїяся

стра-

страсти, и побуждаетъ насъ ненарушимо и безъ всякаго затрудненія слѣдовать тяжчайшимъ нашимъ должностямъ. Хотя вы и не столь много, какъ другія, говорилъ онъ, оборотясь ко мнѣ, имѣете нужду въ такомъ кольцѣ; однако прошу васъ оное беречь у себя, какъ вѣчной залогъ моего дружества; оно скоро вамъ будетъ полезно въ избираніи достойнаго вамъ супруга.

Сильной Фарнасъ, вспомогательной духъ, говорила я ему тогда, бросясь къ его ногамъ, сколь много одолжена я вами! благодарность моя къ вамъ продолжаться будетъ до послѣдняго издыханія: но сдѣлайте еще со мною милость обьявить мнѣ, что это за недостойной человѣкъ, съ кѣмъ хотѣла меня соединить волшебница.

Духъ увѣдомилъ меня тогда, какъ я вамъ, сударыня, не задолго предъ симъ объявляла, что сей грубіанъ, именемъ Исаакъ - Миръ, былъ сынъ одного Жида, и столь худо описалъ мнѣ свойства сего дерзновеннаго, что я только вспомня о томъ, вся еще дрожу, въ какой была я опасности: но справедливой Фарнасъ, продолжала я, говоря духу, сія злая волшебница еще ли будетъ безъ наказанія покушаться уловлять молодыя сердца: и нечестивой Исаакъ - Миръ не понесетъ ли казни за свое беззаконіе?

Сколь мнѣ милъ благородной сей гнѣвъ, отвѣчалъ духъ, я уже любезная моя дочь, достойное за васъ мщеніе сдѣлалъ: Дубана наказана чувствительнѣйшимъ для женщины ударомъ: сверьхъ того что лишилъ я ея всей ея власти

и съ стыдомъ выгналъ ея отъ розоваго источника. Я сдѣлалъ ея столь мерзкою и гнусною, что она будетъ впредь страшилищемъ человѣческаго рода. Что касается до Жида, то въ сей часъ, какъ я съ вами говорю, запертъ онъ въ большую желѣзную клѣтку, въ которой четыре голодныя чудовища высасываютъ у него чистѣйшую кровь, когда только можетъ она чиста быть въ такомъ подломъ и скверномъ тѣлѣ, какъ его, и хочу, чтобъ онъ скончалъ въ оной дни свои, мучась угрызеніями за всѣ свои беззаконія.

Я слышала съ удовольствіемъ, продолжала молодая Индѣйская Принцесса, что духъ постарался о моемъ отмщеніи, его за то благодарила, и просила его отпустить меня во дворецъ Кіонлуковъ. Онъ

велѣлъ

велѣлъ меня перенести туда во мгновеніе ока, собралъ тамъ моихъ дѣвицъ и евнуховъ, которые были со мною у розоваго источника и въ Жавѣ, о семъ приключеніи слушали съ чрезвычайнымъ удивленіемъ. Какъ Фарнасъ наказалъ винныхъ самъ, то объ нихъ больше не думали; и мы спустя послѣ того нѣсколько дней, поѣхали въ Борнео, и прибыли туда благополучно. Сестра моя объявлена тамъ будучи Царевою, и дала немедленно всенародно знать, что она бракосочетается съ Принцомъ, двоюроднымъ своимъ братомъ.

По промчавшейся ужё въ Борнеѣ славѣ о преизящныхъ Самиръ-Агиба качествахъ, весь народъ весьма радъ былъ видѣть себя подъ державою сего Государя. Больше мѣсяца происходили непрестанныя веселія;

селія; и знатнѣйшіе Борнейскіе господа вымышляли ежедневно забавы для увеселенія новаго своего Царя.

Я признаюсь вамъ, государыня моя, что я не безъ зависти видѣла благополучіе моей сестры, и находила оное столь совершеннымъ, что непрестанно желала и сама имѣть равное щастіе.

Въ одинъ вечеръ гуляючи съ Сидгимою въ дворцовыхъ садахъ, увидѣла я у моихъ ногъ, что на песку нѣчто свѣтится; я тотчасъ оное подняла, и нашла портретъ, писанной сухими красками, и осыпанной чрезвычайно большими бриліантами.

ТРИДЕСЯТЬ СЕДЬМАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Я не могла безъ восхищенія глядѣть на сію живопись, представляющую молодаго человѣка красоты совершенной. Я посовѣтовала тогда съ моимъ кольцомъ, и чувствовала умножаться въ моемъ сердцѣ жесточайшей страсти къ подлиннику сего портрета; но не увѣряясь моимъ чувствамъ, вскричала я, сильной Фарнасъ, гдѣ ты! ахъ! ты никогда не похвалишь, чтобъ я отдалась столь скоропостижно лестной склонности, которая влечетъ меня къ толь прекрасному предмету! ты можешь безопасно слѣдовать потаеннымъ движеніямъ, внушающимъ тебѣ отъ любви, отвѣчалъ мнѣ невидимой голосъ, которой признала я за духа, не видавъ его. Принцъ, котораго ты имѣешь портретъ,

будетъ

будетъ твоимъ супругомъ. Я крайнѣ обрадовалась сей пріятной вѣдомости, продолжала молодая Принцесса Борнейская, и получа соизволеніе отъ духа разума любить Принца, которой казался мнѣ толь совершенъ; я заранѣе воображала себѣ наслаждаться съ нимъ чрезвычайнымъ благополучіемъ.

Разсудите сами, государыня моя, естьли я льстила себя напрасно, говорила мнѣ Саче-Кара, подавъ мнѣ тогда въ руки золотую коробочку, въ которой лежалъ портретъ ея любовника. Я лишъ только ея открыла, продолжа Принцесса Тефлиская, то ужасно какъ вскричала: о небо! что вижу я! сей то портретъ будущаго вашего супруга! Саче-Кара глядя на меня, чрезвычайно удивлялась. Не знаете ли вы сего Принца? Говорила она

мнѣ

мнѣ съ нетерпѣливостію: ахъ! государыня моя, нижайше васъ прошу удовольствовать скоряе мое любопытство. Я сперва было позадумалась нѣсколько ей отвѣчать; но она столь пристально меня просила, что я не могла скрыть отъ сей молодой Принцессы, что я долженствовала животомъ Принцу, ея любовнику: ибо оной былъ малорослой Буламанъ-Сангъ-Гиръ. Сей Принцъ, сказывала я ей, одаренъ всякимъ достоинствомъ, стану весьма хорошаго, а о лицѣ его вамъ ничего не упоминаю, потому что онъ совершенно походитъ на сей портретъ, и заключаетъ великой духъ въ маломъ весьма тѣлѣ, въ семъ только одинъ его недостатокъ. Потомъ расказала я ея обстоятельства бывшаго сраженія между Принцомъ Ахемскимъ и Козаибомъ, и какимъ образомъ я имъ одолжена была.

Моло-

Молодая Индіанка пришла было сперва нѣсколько въ изумленіе, но поглядѣвъ со вниманіемъ на свое кольцо, говорила мнѣ: что мнѣ въ томъ нужды, что Принцъ таковъ малъ, какъ вы его мнѣ описываете, лишъ бы только разумъ и добрыя свойства награждали недостатокъ въ его ростѣ: духъ, мой покровитель, не столь неразсудителенъ, чтобъ допустилъ соединиться мнѣ съ неравнымъ человѣкомъ: лучше безъ роптанія слѣдовать своей судьбинѣ, и положиться во всемъ на соизволеніе Вихну. Потомъ продолжала она свою исторію слѣдующими словами:

Я ежечасно имѣла свой портретъ предъ своими глазами, а часто брала его съ собою и на охоту, куда ѣжжала я съ моею се-

строю и Принцомъ, ея супругомъ, и по большей части удалялась я отъ нихъ одна, чтобъ наслаждаться зрѣніемъ онаго безъ свидѣтелей.

Въ одинъ день, какъ была я въ семъ упражненіи, захватилъ меня пресильной дождь, и послѣ сего ненастья тотчасъ смерклось; я хотѣла было соединиться съ нашими охотниками; но молнія и громъ такъ напугали подо мною лошадь, что я не въ силахъ была ею управлять. Она столь далеко отомчала меня отъ проѣжжихъ дорóгъ, что я заблудилась; между тѣмъ наступила ночь, которая привела меня въ крайнее безпокойство, я съ лошади сошла, и увидя йздали промежъ деревъ маленькой свѣтъ, пошла въ ту сторону, ведя лошадь за собою. Чѣмъ боль-

больше я шла, тѣмъ далѣе казался быть отъ меня оной свѣтъ; я шла на оной около часа, не зная сама, къ какой погибели я спѣшила; но напослѣдокъ чрезвычайно уставши, привязала мою лошадь къ дереву, и повалившись на траву, уснула спокойно. Разсудите сами, государыня моя, сколько я испугалась проснувшись, увидя себя на краю преужасной пропасти, въ которой бы нашла я себѣ неминуемую смерть, естьлибъ еще нѣсколько шаговъ впередъ подвинулась.

Я тогда догадалась, что нѣкто изъ сихъ воздушныхъ духовъ, которые забавляются погубленіемъ идущихъ людей ночью, завелъ меня съ сіи мѣста; я съ оной дороги свороптила, и слѣдуя по весьма узенькой тропинкѣ, выѣхала

чрезъ

чрезъ часъ на морской берегъ. Я была въ крайнемъ безпокойствіи, не видая никого, чтобъ меня могъ на прямую дорогу выпроводить, какъ четыре Арапа выскочивъ изъ за нѣкоторыхъ каменныхъ горъ, схватили лошадь мою за узду, и взяли меня подъ руки: я кричала, и старалась вырваться у нихъ безполезно. Они меня перенесли въ недалеко стоящую оттуда шлюпку, и двое изъ сихъ мерзскихъ начали гребсти изъ всей своей силы, а между тѣмъ другихъ двое держали меня, чтобъ я не бросилась въ море, и приплыли къ одному судну, стоящему на Рейдѣ на полмили отъ того мѣста, гдѣ имѣла я нещастіе потерять мою вольность.

Меня представили къ корабельщику сего судна, которой

былъ

былъ человѣкъ росту чрезвычайнаго, бро́ви имѣлъ густыя и насупленныя, взглядъ суровой и звѣрской, шею короткую, не много вдавшуюся въ плеча, и весь его видъ имѣлъ нѣчто въ себѣ ужаснаго. Онъ ввелъ меня въ свой каютъ, и подошедъ ко мнѣ грубымъ образомъ: утри твои слёзы, говорилъ онъ мнѣ съ свирѣпостiю, и благодари великаго пророка, что онъ удостоилъ тебя быть моею наложницею. Я не только что приказанiя его не послушала, но еще больше слезы мои умножила; однако сей злодѣй мало сжалясь на мою печаль, подошелъ было ко мнѣ, чтобъ меня обнять; и я столько тѣмъ раздражилась, что схвативъ кинжалъ, которой у него былъ на поясу, поколола его прямо въ сердце.

Тридесять осьмая четверть часа.

На стукѣ его паденія вошли вѣ каютѣ нѣсколько человѣкѣ матрозовѣ, которой тотчасѣ наполнился ихѣ воплемѣ. Я держала еще кинжалѣ у себя вѣ рукѣ, и оборотила концомѣ кѣ себѣ вѣ грудь, чтобѣ не умереть отѣ такихѣ злодѣйскихѣ рукѣ, но меня тотчасѣ за руку схватили; сей былѣ безчеловѣчной Накурѣ, достойной сынѣ того, котораго я умертвила. Злодѣйка, сказалѣ онѣ мнѣ, кипѣвѣ пѣною отѣ ярости, смерть, которую было ты себѣ предуготовила, очень легка и славна для тебя: я намѣренѣ предать тебя наижесточайшимѣ мученіямѣ за убійство моего отца. Потомѣ велѣлѣ мнѣ заковать руки и ноги, сослалѣ меня на самое корабельное дно, и собралѣ началь-

никовѣ

никовъ своихъ, какую присовѣтуютъ они учинить мнѣ смерть. Между тѣмъ, какъ происходилъ совѣтъ о моей смерти, усмотрѣли одно судно, идущее прямо на насъ на всѣхъ парусахъ. Желаніе добычи превозмогло мщеніе. Накуръ пріуготовлялся на оное напасть; но какъ увидѣлъ по вымполу, что оное судно Фаруково, то страхъ началъ обладать всѣмъ его духомъ. Сей послѣдней никогда побѣжденъ не бывалъ; казалось, что фортуна и море, которыя столь не постоянны для другихъ, ему покорены были. Между тѣмъ бились на нашемъ суднѣ съ великою храбростію; но какъ напослѣдокъ Накуръ и храбрѣйшіе его люди были всѣ порублены, то оставшіеся принуждены были оружіе положить. Побѣдитель взошелъ на наше судно, обходилъ оное изъ конца въ конецъ, и увѣ-

домившись о причинѣ моихъ цѣпей, онъ удивлялся принятому моему намѣренію, и приказалъ меня расковать и отвести къ себѣ, а Накурово судно велѣлъ потопить. Вотъ, государыня моя, продолжала Саче-Кара, вотъ причина моихъ слезъ: вы видите, что звѣзды меня непрестанно гнали: отъ злодѣйства нечестиваго Жида избавилась я чрезъ естественнымъ покровительствомъ только для того, чтобъ попасться въ руки безчеловѣчному морскому разбойнику, а и отъ него освободилась, чтобъ сдѣлаться невольницею другова, которой подлинно кажется хотя честной человѣкъ; однако нѣжныя его обхожденія нѣсколько меня тревожатъ. Вся моя жизнь протекла въ безпрестанныхъ злополучіяхъ; и сколько духъ Фарнасъ ни обѣщалъ; однако я довольно вижу, что мои нещастія не столь еще скоро окончатся.

ПРО-

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПОВѢСТИ

О *Гюльгюли - Шемамѣ Принцессѣ Тефлиской.*

Я всячески, государь мой, старался, продолжала прекрасная Грузинка, успокоить духъ молодой Принцессы Борнейской, и она начала было помаленьку позабывать печаль свою, какъ встрѣтилось съ нами судно, у котораго корма и мачты были всѣ вызолочены и парусы атласные огненнаго цвѣта: такое особливое украшеніе побудило бы Фарука напасть на оное, хотя бы онъ и не морской разбойникъ былъ: и такъ немедленно далъ онъ сигналъ къ сраженію. Оба оныя судна притянулись крючьями, и бились съ обоихъ сторонъ съ совершеннымъ мужествомъ.

Одинъ Арапъ ростомъ въ шесть футовъ, и которой казался быть

повелителемъ золоченаго судна, вездѣ бросался самъ, гдѣ опасность была большая, и его присудствїе поощряло солдатъ его, которые всѣ казались быть Герои.

Сей воинъ вскочилъ на наше судно, и какъ бы увидя Саче-Кару и меня, получилъ новыя силы; все, что ему ни попадалось, побивалъ нещадно.

Фарукъ по справедливости устрашась храбрости молодаго сего человѣка, и думая, что онъ только одинъ въ состоянїи былъ ему противиться, сразился съ нимъ: никогда, государь мой, не видано еще было такого храбраго и ровнаго бою; всѣ солдаты положили свое оружїе, чтобъ быть свидѣтелями двухъ сихъ славныхъ воиновъ; но напослѣдокъ щастье послуживъ Арапу,

Арапу, или лучше сказать, оружія сего были поостряе, далъ онъ Фаруку великія раны, и збилъ его съ ногъ. Фарукъ будучи въ семъ состояніи, не поставилъ себѣ за стыдъ здаться: я побѣжденъ въ перовй разъ, говорилъ онъ, но надѣюсь, государь мой, что вы по своему великодушію даруете мнѣ животъ, которымъ я вѣчно вамъ долженствовать буду. Вставай, отвѣчалъ ему спокойнымъ образомъ страшной Арапъ, подавъ ему руку, и вотъ тебѣ моя дружба вмѣсто цѣпей, которыми, можетъ быть, другой бы тебя оковалъ: сего еще не довольно, я отдаю тебѣ твое судно со всѣмъ экипажемъ, выключая сихъ двухъ Принцессъ, которыхъ я отъ тебя требую въ награжденіе моей побѣды.

Сколь Фарукъ страстенъ ко мнѣ ни былъ, продолжала Гюльгю-

ли-Шемаме, потому что побѣдитель оставлялъ себѣ молодую Борнейскую Принцессу и меня, однако преодолѣлъ себя въ томъ. Животъ, которымъ вы меня, государь мой, даровали, говорилъ онъ Арапу, не столь мнѣ дорогъ, какъ одна изъ сихъ Принцессъ; однако оную я вамъ уступаю, и хотя пораженъ буду наичувствительнѣйшею горестію; но благополучіе ваше безъ роптанія сносить стану.

Мы съ молодою Принцессою были полумертвы, и обнявшисъ другъ съ другомъ, хотѣли было лучше броситься въ море, нежели достаться въ добычу побѣдителю, какъ сей храброй воинъ снявъ свою чалму, и открывъ лице, которое закрыто было весьма частымъ чернымъ флёромъ, привелъ насъ съ Саче-Карою въ пребезмѣрное изумленіе,

мленіе, потому что мы узнали вЪ нашемЪ побѢдителЪ, она подлинникЪ своего портрета, а я всѢ черты малорослаго Ахемскаго Принца.

ТРИДЕСЯТЬ ДЕВЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Мы обѢ были не подвижны, какЪ сей воинЪ смѢючись моему удивленію, говорилЪ, оборотясь ко мнѢ слѢдующее:

Вы не обманываетесь, любезная Гюльгюли-Шемаме, вы видите предЪ вашими глазами Принца, которой вамЪ не незнакомЪ, но только уже не вЪ такомЪ состояніи, какЪ вы прежде его видѢли: таже волшебница Мюлладина, которая защитила меня отЪ тиранства Козаибова, распространила благодѣянія

свои сверьхъ моего чаянія, какъ я вамъ о томъ разскажу. Тогда пошли мы, продолжала прекрасная Грузинка, Саче-Кара, Фарукъ и я на Принцовъ корабль, и сѣвши на подушки, шитыя золотомъ, послѣ какъ перевязали Фаруковы раны, изъ которыхъ ни одна опасна не была, началъ онъ слѣдующимъ порядкомъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ ПОВѢСТИ

О Буламанъ-Сантъ-Гирѣ, Принцѣ Ахемскомъ.

Лишъ только вы, государыня моя, сѣли на корабль, то лишившись васъ, пришелъ я въ несказанную печаль, которая приводила меня въ отчаяніе; я принялъ намѣреніе умереть, когда не имѣлъ щастія вамъ понравиться, и въ сихъ

мысляхъ

мысляхъ возвратился я во дворецъ. Я прогуливался въ глубокихъ размышленіяхъ, по берегу тогоже канала, гдѣ пощастливилось мнѣ одолжить волшебницу Мюлладину, какъ почувствуя въ себѣ нѣкоторое неизвѣстное движеніе, вознамѣрился я вдругъ прекратить мою жизнь въ сихъ водахъ; и лишъ только оное задумалъ, то тогожъ часу исполнилъ: я бросился въ каналъ, гдѣ бившись долгое время противъ воды, пошелъ я конечно на дно. Мнѣ все сіе представлялось сперва, какъ бы я оное во снѣ видѣлъ, какъ вдругъ очутился я въ нѣкоторомъ домѣ, которой казался мнѣ изъ дикаго хрусталя, и лежалъ на софѣ желтой агатовой. Удивляясь такому странному приключенію, я еще объ ономъ размышлялъ, какъ вышла ко мнѣ Мюлладина: мнѣ тебя, Принцъ, жаль,

 ска-

сказала она мнѣ, я со всѣмъ моимъ искусствомъ не могу того сдѣлать, чтобъ любила тебя Гюллгюли-Шемаме: другой назначенъ владѣть ея сердцемъ и рукою; но для утѣшенія твоего объ ея уронѣ, изволь избирать любую изъ прекраснѣйшихъ въ свѣтѣ Принцессъ.

Едва Мюлладина сіе выговорила, какъ прошептала она нѣкоторыя незнакомыя слова: признаться ли вамъ, государыня моя, что я въ самой же тотъ часъ почувствовалъ въ сердцѣ моемъ истребленіе моей къ вамъ чрезмѣрной страсти, а вмѣсто того имѣлъ только одно почтеніе.

Волшебница видя отъ того мою перемѣну, повела меня въ особливой кабинетъ, и показала мнѣ въ

очаро-

очарованномъ стеклѣ наипрекраснѣйшихъ въ свѣтѣ особъ. Я весьма много ихъ пропускалъ безъ всякаго движенія въ моемъ сердцѣ, но увидя прекрасную Саче-Кару, почувствовалъ въ себѣ чрезвычайную къ ней страсть.

Молодая Борнейская Принцесса, продолжала Гюльгюли Шемаме, чрезмѣрно закраснѣлась, слыша послѣднія сіи слова: она хотѣла Принцову рѣчь перервать, что усмотря онъ изъ ея движенія, говорилъ ей: позвольте, государыня моя, чтобъ я окончилъ толь странное и чудное приключеніе, какъ мое. Потомъ начавъ свою рѣчь, продолжалъ онъ, волшебница, не спуская съ меня глазъ, примѣтила мое смущеніе, и сказала мнѣ, смѣючись: я думаю, что сія прекрасная чернобровая Принцесса въ

состояніи будетЪ привести у васЪ вЪ забвеніе Гюльгюли-Шемаме: но, ПринцЪ, чтобЪ сдѣлать ваше благополучіе совершеннѣйшимЪ, я намѣрена еще исправить недостатокЪ вЪ васъ природы: выпей сЪ твердою надеждою сіе питье, вы тотчасЪ увидите онаго дѣйствіе. КакЪ лишЪ скоро я выпилЪ, то почувствовалЪ во всѣмЪ моемЪ тѣлѣ чрезвычайныя движенія: члены мои, такЪ сказать, раздѣвались, и тѣло мое совсѣмЪ стало инаково, и таково пропорціонально, какЪ вы меня теперь видите, совсѣмЪ не премѣняя чертЪ лица, какія имѣлЪ я будучи карлою. Сего еще для васЪ не довольно, сказала мнѣ Мюлладина, я хочу послать вашЪ портретЪ кЪ Принцессѣ, будущей вашей супругѣ, а вамЪ дамЪ ея портретЪ; потомЪ подала она мнѣ бриліантовую коробочку, на днѣ которой написана

писана была прекрасная Саче-Кара со всѣми ея натуральными прелестьми, и показавши мой портретъ въ равномѣрной же коробочкѣ, сказала мнѣ, въ скоромъ времени сія живопись такое же произведетъ дѣйствіе надъ сердцемъ Принцессы, какъ ея образъ имѣетъ ужѐ надъ вашимъ.

Мнѣ столько чувствительны были волшебницыны милости, что бросился я къ ея ногамъ, не въ состояніи будучи промолвить ни одного слова: она меня подняла, и обнявъ ласково, сказала мнѣ: поѣжжай, Принцъ, поѣжжай скоряе на помощь вашей Принцессѣ, избавь ея отъ неволи, въ которой, какъ вижу я, теперь она находится; и притомъ возврати вольность Гюльгюли Шемаме. Волшебница закрывъ еще мнѣ лице симъ флёромъ,

чтобъ

чтобъ тѣмъ пріятнѣе нечаянно васъ обрадовать, перенесла меня на золоченой корабль, которой несли вѣтры туда, гдѣ мое присудствіе нужно было. Я повиновался, государыня моя, во всемъ Мюлладинѣ, и весьма щастливъ былъ въ короткое время исполнить все то, что можетъ служить къ спокойствію моей жизни, когда только прекрасная Саче-Кара согласится безъ сопротивленія послѣдовать совѣтамъ волшебницы, моей покровительницы.

Ахемской Принцъ говорить пересталъ, продолжала Гюльгюли-Шемаме, и молодая Борнейская Принцесса, которой стыдъ преодолѣвалъ любовныя склонности, вліянныя въ ней къ Буламанъ Сангъ-Гиру отъ кольца разсужденія и волшебницы Мюлладины, не знала что отвѣтствовать

ствовать на нѣжныя Принцовы слова; но я уже принудила ея не скрывать долѣе того, что чувствовало ея сердце къ толь прелестному Принцу съ самаго того времени, какъ нашла она его портретъ.

Буламанъ-Сангъ-Гиръ несказанно обрадовался, увѣдомясь о своемъ благополучіи изъ собственныхъ устъ Саче-Кары, и чрезвычайныя приписывалъ благодарности Мюлладинѣ, какъ сія волшебница показалась вдругъ въ кораблѣ еще великолѣпнѣйшемъ, нежели у Принца Ахемскаго, которой до того времени закрытъ былъ облакомъ, и не могъ нами видимъ быть.

ЧЕТЫРЕДЕСЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Съ Мюлладиною на кораблѣ были Царь и Царева Жавскiе, Принцъ Самиръ-Агибъ и съ Принцессою своею супругою. Теперь совсѣмъ совершила я, сказала волшебница Буламанъ-Сангъ-Гиру, начатое мною дѣло: вотъ здѣсь тѣ особы, которыя моглибъ противиться вашему благополучiю: я склонила ихъ на вашу сторону: они согласны, чтобъ вы совокупились съ Саче-Карою.

Между тѣмъ происходили съ обоихъ сторонъ радостныя объятiя: и волшебница не хотя долѣе мѣдлить удовольствiемъ Принцу Ахемскому, перенесла насъ во мгновенiе ока въ Борнео, гдѣ по излѣченiи Фаруковыхъ ранъ, отправляли съ великими торжествами бракъ сихъ любезныхъ супруговъ.

ПРО-

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПОВѢСТИ

О Гюльгюли-Шемамѣ, Принцессѣ Тефлиской.

Что принадлежало до меня, продолжала прекрасная Грузинка, что сколь ни желала я найти назначеннаго для меня Принца, однако не скучила, будучи вѣ толь любезной: компаніи Фарукѣ послѣдуя примѣру Принца Ахемскаго, обратилѣ любовной свой ко мнѣ пламень на совершеннѣйшее почтеніе, и былѣ при мнѣ безотлучно. Милостивая государыня, говорилѣ онѣ мнѣ вѣ одинѣ день, когда не имѣю я щастія избранѣ быть великимѣ нашимѣ пророкомѣ, для возвращенія вамь владѣнія вашихѣ областей, то не могу ли я по крайней мѣрѣ способствовать вашему благополучію, пособивѣ вамѣ искать Принца, назначеннаго для васѣ небомѣ? Я не почла за пристойность

стойность отказать Фаруку въ его предложеніяхъ, потому что я признавала его за честнаго человѣка, и поступки его столь не сходны были съ разбойническими, что я не усумнѣвалась отдаться на его руки.

Наконецъ, государь мой, по долгомъ пребываніи въ Борнео, поѣхала я на Фаруковомъ суднѣ: въ первые три или четыре дни вѣтеръ намъ былъ весьма благополученъ: но на пятой день такая сдѣлалась чрезмѣрная тишина, что мы стали на одномъ мѣстѣ, и не могли податься ни назадъ ни напередъ. Фарукъ досадуя столько же, какъ и я сей остановкѣ, всячески старался мнѣ угождать чрезъ цѣлые девять дней такого безвѣтрія. Онъ забавлялъ меня нѣкоторыми исторіями, которыя моглибъ развеселить мою задумчивость; и какъ

онъ

онъ былъ человѣкъ весьма разумной и учтивой, и разсказывалъ съ великою пріятностію, что я слушала его съ удовольствіемъ: но нѣкогда вздумалось мнѣ ему сказать, государь мой, между такими странными исторіями, хотите ли вы отъ меня скрыть собственное ваше похожденіе? Поступки ваши со мною даже до нынѣшняго времени заставляютъ меня думать, что вы совсѣмъ инаго званія, нежели въ которомъ быть кажетесь, и я гораздо любопытнѣе знать ваши похожденія, нежели тѣ, которыя вы мнѣ донынѣ разсказывали.

Фарукъ вздохнувши въ то время сверьхъ своей воли весьма тяжело, далъ мнѣ чрезъ то уразумѣть, какой прискорбности стоило ему мое любопытство. Я не могу вамъ, государыня моя, ни въ чемъ отка-

отказать, сказалъ онъ мнѣ, вы надо мною столько власти имѣете, что я не могу долѣе вамъ о себѣ скрывать: извольте же приготовляться слушать жизнь нещастнаго Принца, которой почти всякой часъ видѣлъ надъ собою печальныя приключенія.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПОВѢСТИ

О Учимъ-Охантеѣ, Принцѣ Китайскомъ.

Принцесса Тефлиская, продолжалъ Бенъ-Эридунъ, хотѣла было расказывать Учимъ Охантею похожденіе Фаруково, какъ вошла опять въ залъ Гюльпенея. Она взяла молодаго Китайскаго Принца за руку, и повела его въ кабинетъ, усланной коврами шитыми золотомъ и шелкомъ, по которымъ разсыпаны

ны были благовоннѣйшіе цвѣты. Принесли розовой воды умыть ему руки: окурили бороду его изъ золотой канфорки: потомъ подали великолѣпной полдникъ и сладкія вина: послѣ чего приказала Гюльпенея всѣмъ своимъ женщинамъ выйти вонъ.

Принцъ дрожалъ, слыша такое приказаніе. Гюльгюли - Шемаме, которая также изъ того не выключена была, при выходѣ изъ кабинета столь печальной кинула на него взоръ свой, что онъ едва было не вскочилъ съ софы, и не побѣжалъ за нею. Однако разсудя, сколь бы неразуменъ былъ такой поступокъ, остался онъ съ Гюльпенею; но сколько хитрости Принцесса ни употребляла для уловленія его сердца; однако онъ былъ непоколебимо въ безчувственномъ почтеніи,

чтеніи, изъ котораго всѣ ея ласки не могли его вывести.

Равномѣрной поступокъ конечно бы раздражилъ всякую другую кромѣ Гюльпене; но сія Принцесса притворяясь, будто бы не примѣтитъ его нечувствительности, или приписывая оное чему нибудь совсѣмъ иному, нежели презрѣнію къ ней, казалась быть довольна его обхожденіемъ; и какъ пришолъ часъ разойтись, то отдала она Учимъ-Охантеа на руки старой Куроумѣ, надежной повѣренной въ своихъ веселостяхъ. Принцъ за нею пошелъ, и идучи чрезъ весьма темныя сѣни, вложили ему искусно въ руки слѣдующую цыдулку:

„Весьма трудно противиться „долѣе любовному жару той осо„бы, у которой вы были; но я на„дѣюсь,

„ дѣюсь, государь мой, что вамъ
„ легко было примѣтить ея хи-
„ трости. Между тѣмъ притворяй-
„ тесь съ нею до тѣхъ поръ, пока
„ вы найдете способъ свободить
„ меня отъ настоящей несносной
„ неволи. Я надѣюсь увидѣть васъ
„ завтра на тигровомъ бою, кото-
„ рымъ Царь Кюзегъ забавлять хо-
„ четъ Атабека, естьли не удаст-
„ ся мнѣ съ вами тамъ поговорить,
„ то я около вечера проведу васъ
„ тихонько въ свой покой, гдѣ имѣю
„ вамъ сказать претысячу вѣстей.

Принцесса Тефлиская.

Учимъ-Охантей цѣловалъ ты-сячекратно сіе письмо, которое еще больше утвердило его въ намѣреніи пребывать вѣрнымъ драгой своей Принцессѣ: онъ легъ спать съ преисполненнымъ радости сердцемъ. Едва лишъ на другой

 день

день по утру онъ проснулся, какъ Гюльпенея продолжая свое намѣреніе, прислала къ нему въ карзинкѣ шитой золотомъ пребогатой кушакъ, и велѣла сказать ему, что она желаетъ видѣть его по утру у себя.

Какъ мущины входили свободно въ ея покои, то Принцъ пришелъ туда весьма рано, надѣясь совершенно увидѣть тамъ Гюльгюли-Шемаме. Онъ въ томъ не обманулся, потому что ей приказано было Принца принять, когда бы Принцесса еще не проснулась; но сія послѣдняя весьма устремляясь уловить молодаго Учимъ-Охантея, спала не много, и дала ему только время увѣрить Гюльгюли-Шемаме о вѣчной его къ ней любви.

ЧЕТЫРЕДЕСЯТЬ ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Гюльпенея досадуя на Принцову несклонность, мало спала ту ночь; она не хотѣла упустить изъ рукъ такую побѣду, и только лишъ услышала, что онъ былъ съ Принцессою Тефлискою, то велѣла тотчасъ позвать его къ себѣ. Въ почивальнѣ ея не много людей было; она встала съ постели, и была въ спальнемъ платьѣ, но столь прелестна, что конечно плѣнила Учимъ-Охантеевы чувства, естьлибъ онъ не столько объ ея нравахъ предупрежденъ былъ. Сія Принцесса притворяясь не чувствовать вчерашней отъ Принца холодности, приняла его съ великою радостію; посадила съ собою на софу, и наклонясь къ его уху, спрашивала: для чего не было на немъ ея кушака, и сказала ему, что

онъ не зналъ всей онаго доброты. Я не осмѣлился, милостивая государыня, отвѣчалъ ей Принцъ, показаться ко двору съ симъ толь достойнымъ и незаслуженнымъ мною знакомъ: но когда вы оное мнѣ позволяете, то я за честь себѣ ставить буду, носить такіе отличные знаки вашей милости.

Принцъ Атабекъ зная, сколь свободенъ былъ почти на всякой часъ доступъ къ Гюльпенеѣ, велѣлъ въ тотъ часъ о себѣ доложить; и сія Принцесса успѣла только лишъ сказать Учимъ-Охантею, чтобъ онъ былъ послѣ обѣда на тигровомъ бою, и старался бы стать не подалеку отъ нея, потому что она послѣ сего увеселенія желаетъ съ нимъ поговорить.

Принцъ, въ исполненіе ея приказанія, нашелъ способъ занять

мѣсто

мѣсто подъ Принцессинымъ балкономъ; и какъ Гюльгюли-Шемаме была при ней, то онъ не спуская своихъ глазъ, на нея смотрѣлъ, и Гюльпенея не имѣла отъ того ни малѣйшаго подозрѣнія.

Атабекъ разговаривалъ съ Принцессою съ великимъ восторгомъ, какъ послѣ многихъ маленькихъ боевъ различныхъ звѣрей, выпустили на песокъ преужаснаго тигра и льва величины безпримѣрной. Сражаясь они болѣе полутора часа съ несказаннымъ свирѣпствомъ и почти съ разною силою, покатились они другъ съ другомъ даже до Гюльпенеева балкона; и какъ тогда всѣ дамы наклонились, чтобъ лучше съ сей высоты видѣть ихъ сраженіе: Принцесса Тефлиская уронила съ своего пальца золотой перстень, въ которомъ вставленъ былъ орли-

ной камень. О небо! вскричала она горестно, увидя, что оной упалъ близъ сихъ двухъ лютыхъ звѣрей. Не ужѐли принуждена я буду лишиться нынѣ по моей только неосторожности всего моего сокровища?

Гюльпене видя чрезвычайную печаль на лицѣ своей любимицы, тщетно приказывала приставникамъ у сихъ свирѣпыхъ звѣрей поднять перстень. Никто не отваживался исполнить ея приказанія, хотя обѣщала она знатное за то награжденіе, какъ Китайской Принцъ вскоча съ своего мѣста на песокъ, поднялъ тотчасъ Гюльгюли Шемамеевъ перстень, и надѣлъ на свой палецъ. Для Принца весьма нужно было, чтобъ наибольшая часть силъ льва и тигра чрезъ долгое сраженіе истощахась, потому что

сіи

сіи звѣри оставя, какъбы съ согласія другъ на друга ярость, обратили все свое свирѣпство на Учимъ-Охаитея. Принцъ вооруженъ былъ одною только саблею, но по особливому его щастію столь была она востра, и онъ оборонялся съ такою проворностію и искусствомъ, что умертвивъ сихъ лютѣйшихъ звѣрей, будучи только отъ нихъ весьма не много оцараплен, вручилъ онъ перстень Принцессѣ Тефлиской.

Сколь много Учимъ-Охаитеева неустрашимость ни удивила Царя и всѣхъ зрителей, однако Гюльпенею несравненно больше всѣхъ изумила, и открыла ей глаза. Съ сего времени ясно она поняла, что холодность его къ ней происходила отъ прелестной ея любимицы; но какъ не можно ей было всенародно

родно обезчестить толь отважнаго Принцова дѣла, то она его весьма выхваляла, а между тѣмъ потаенно въ сердцѣ своемъ чувствовала крайнее огорченіе.

Что принадлежало до Царя Кюзега, то не привыкши видѣть онъ равномѣрныхъ примѣровъ мужества и неустрашимости, столько тѣмъ веселился, что молодаго Принца осыпалъ ласками своими. Такое геройское дѣло, говорилъ онъ ему, заслуживаетъ безконечной похвалы и награжденія безпредѣльнаго: и я бы желалъ молодой чужестранецъ, найти что нибудь такое, чѣмъ бы воздать за такую храбрость: естьли что либо сыщется въ моемъ государствѣ достойное тебя, то проси у меня смѣло: и хотя бы ты пожелалъ одну изъ моихъ дочерей, то будь увѣренъ, что я ни въ чемъ тебѣ не откажу.

Учимъ-

Учимъ-Охантей отвѣтствовалъ на царскія похвалы съ превеликою учтивостію: милостивой государь, говорилъ онъ ему, простой такой дворянинъ, каковъ я, недостоинъ помышлять о чести соединиться родствомъ съ вами: я не могу толь высоко простирать моихъ желаній: но когда ваше величество изволите меня обнадеживать всею вашею милостію, то осмѣливаюсь я нижайше просить объ одной вещи, которая, кажется, для вашего величества не великой важности стоитъ, я прошу о вольности Гюльгюли-Шемаме.

Царь, милостивой государь, еще больше удивился, видя, что сей молодой человѣкъ толь малымъ дѣломъ доволенъ былъ, между тѣмъ какъ могъ бы отъ него получить безчисленныя богатства.

Гюльгюли Шемаме съ сего же времени свободно, отвѣчалъ онъ Принцу, обнявъ его, я желаю, чтобъ она чувствовала твое великодушие: я думаю, что Принцесса моя дочь не воспротивится моей волѣ.

Гюльпенея отъ ярости и гнѣва внѣ себя была: очевидное Учимъ-Охантея презрѣнie ея красоты приводило ея въ отчаянie: но совершенно скрывая, что происходило въ ея сердцѣ, обняла она Тефлискую Принцессу со всѣми наружными оказанiями искренней и чистосердечной дружбы, и отколовши отъ своихъ волосъ бриліантовое перо весьма дорогой цѣны, присовокупила сей подарокъ къ дарованiю ей вольности.

Прекрасная Грузинка въ несказанномъ была изумленiи: страхъ и

и радость, одно за другимъ, столь сильно встревожили духъ ея, что она упала въ обморокъ. Потомъ опамятовавшись, едва она могла вѣрить, чтобъ другой ея Принцъ избавился отъ смерти, на которую онъ пошелъ для нея, какъ притомъ услышала еще, что должействовала она ему и вольностію.

Напослѣдокъ вошли во дворецъ: Царь хотѣлъ, чтобъ Принцъ въ ономъ жилъ, и пригласилъ его на пиръ, которой приуготовленъ былъ для Принца Атабека. Гюльгюли-Шемаме, которую Царь Кюзегъ для угожденія Учимъ-Охантею посадилъ съ собою за столъ, не столько примѣчала оказываемыя почести Принцу, ея любовнику, сколько разсматривала поступки Гюльпенеи. Она примѣтила, не взирая на притворство сей Принцессы, что въ

поступкахъ ея было нѣчто принужденное, и видѣла по глазамъ ея, сколь она на нея злобилась; зная же основательно нравъ Принцессинъ, чрезвычайно она безпокоилась.

ЧЕТЫРЕДЕСЯТЬ ВТОРАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

По окончанiи ужина пошли въ великолѣпной залъ, для слушанiя концерта, которой составленъ былъ изъ наилучшихъ голосовъ и лучшихъ инструментовъ. Гюльгюли-Шемаме пользуясь симъ временемъ, сказала Китайскому Принцу, чтобъ онъ неотмѣнно пришелъ на мѣсто, назначенное въ письмѣ ея, и дала ему ключь отъ уборной, изъ которой ходъ былъ въ ея покои.

Послѣ концерта Принцъ пошелъ въ пріуготовленную для него комнату, и выславъ всѣхъ людей вонъ, пользовался симъ временемъ прокрасться въ уборную Принцессы Тефлиской. Какъ онъ весьма въ тотъ день утомился, и чтобъ кто не могъ его увидѣть, то спрятался онъ подъ столъ, покрытой большимъ ковромъ, и заснулъ тамъ столь крѣпко, что Гюльгюли-Шемаме раздѣвши Гюльпенею, вошла въ сію уборную, не разбудивъ его. Не видя же тутъ Принца, своего любовника, думала она, что ему не можно еще было исполнить своего обѣщанія; однако не сомнѣваясь о его приходѣ, засвѣтивъ двѣ свѣчи, поставила на столъ, а сама сѣла на софу, и чрезъ короткое время заснула: но разсудите, милостивой государь, о удивленіи сихъ двухъ любовниковъ, какъ проснувшися

свувшися они отъ жестокаго стука, увидѣли лежащую на полу Принцессу Гюльпенею при послѣднемъ издыханіи. Справедливое небо! вскричалъ Принцъ, весьма испугавшись, выскоча изъ подъ стола, гдѣ онъ сидѣлъ: какой печальной предметъ представляется глазамъ моимъ! не во снѣ ли я еще вижу такое мечтаніе? Ахъ! отвѣчала Гюльгюли-Шемаме, дай боже! чтобъ все это было сновидѣніемъ, которое вмѣстѣ съ сномъ и изчезло, но по нашему нещастію оное самая истинна. Сія Принцесса, пылая своимъ мщеніемъ, конечно хотѣла меня умертвить; и небо всегда справедливое противъ невинныхъ инако въ томъ опредѣлило: я разсуждаю о томъ по разщибенной сей стеклянной трубочкѣ, и отъ потяготы сей нещастной Принцессы.

Я дожидаясь васЪ, государь мой, заснула, не думая, чтобЪ вы столь близко отЪ меня были, и спала̀ спокойно, какЪ сія Прицесса имѣя у себя двойной ключь отЪ моей уборной, вздумала конечно лишить меня жизни. Она наполнила какЪ можно догадываться, сію трубочку ядовитымЪ порошкомЪ, и хотѣла было оной дунуть мнѣ вЪ носЪ, какЪ я вдругЪ проснувшись, столь сильно чихнула, что вмѣсто того, чтобЪ порошокЪ попалЪ вЪ носЪ, весь высыпался кЪ ней вЪ ротЪ. Сей ядЪ по видимому столь силенЪ и скоро-дѣйствителенЪ, что она тотчасЪ упала, да вотЪ ужѐ и издыхаетЪ.

УчимЪ Охантей, зная злой нравЪ Гюльпенеи, хотѣлЪ было ея тутЪ оставить. ПобѣжимЪ, сказалЪ онЪ ПринцессѣЪ Тефлиской, отЪ сего пред-

предмета, исполненнаго ужасомъ, укроемся отъ царева гнѣва: хотя мы и невиноваты; однако наружныя обстоятельства насъ уличаютъ: и сей государь конечно не проститъ намъ никогда смерть своей дочери. Да какъ намъ бѣжать, отвѣчала печально Гюльгюли-Шемаме, развѣ дворцовые вороты не заперты? Но что я вижу, продолжала она, взглянувъ на его кушакъ: ахъ! государь мой, лѣкарство получили мы отъ источника зла: сей очарованной кушакъ избавитъ насъ отъ нашей напасти: онъ дѣлаетъ людей невидимыми, естьли его выворотить: и Принцесса для того прислала вамъ сей подарокъ, о дѣйствіи котораго конечно еще она сказать вамъ не успѣла, чтобъ васъ избавить отъ подозрѣнія и злословія, и чтобъ вы могли во дворецъ ходить и выходить на всякой часъ свободно. Пре-

Прекрасная Грузинка немедленно оное аппробовала; она развернула кушакЪ, и надЂвЪ на себя на-изнанку, тотчасЪ Принцу невидима стала до того времени, пока оной опять обернула лицомЪ.

Между весьма малымЪ временемЪ, которое оставалось Китайскому Принцу и Гюльгюли-ШемамЪ, для ожиданія дня и для укрытія себя отЪ Кюзегова мщенія, чрезЪестественная Гюльпенеи потягота умножалась. ВЪ глазахЪ ея видЂнЪ былЪ томной свЂтЪ, которой наконецЪ по послЂднемЪ издыханіи, которое она тяжко испустила, и навсегда померклЪ; она умерла вЪ ихЪ рукахЪ, и чрезЪ минуту столь страшна сдЂлалась, что хотя она кЪ симЪ двумЪ любовникамЪ и злое намЂреніе имЂла; однако не могли они сЪ жалости отЪ слезЪ воздержаться.

На-

Напослѣдокъ дворцовые ворóта отперли; и Принцъ Китайской съ Гюльгюли-Шемамею помощію своего кушака вышли оттуда никѣмъ невидимы, и шли такимъ образомъ до первой деревни, гдѣ подкрѣпивъ себя не много пищею, удалялись впередъ съ поспѣшеніемъ, и не могли имѣть себѣ покоя, пока не вышли изъ областей Царя Кюзега. Тогда стали они нѣсколько поспокойнѣе; и Принцъ вспомнивъ о приключеніи перстня ея, просилъ ея объявить ему причину, для чего онъ ей столь дóрогъ былъ. Это подарокъ волхва Залъ-Река, моего дѣда, сказала она ему, онъ надѣлъ мнѣ его на палецъ при самой своей смерти, и сіе обстоятельство моей жизни позабыла я вамъ расказать: онъ меня обнадежилъ, что когда приближится конецъ моимъ нещастіямъ, то увижу

жу я въ семъ перстнѣ, какъ въ зеркалѣ, какимъ образомъ должно мнѣ будетъ поступать: но чтобъ я весьма берегла, чтобъ не попало на него ни малѣйшей капли кро́ви, потому что съ тогожъ времени силу свою онъ потеряетъ. Я не знаю, что мнѣ вздумалось надѣть его въ тотъ день, какъ былъ тигровъ бой: теперь же можете вы разсудить, сколь велико было мое безпокойство, когда я сронила его съ моего пальца: и вы должны быть увѣрены, что я вѣчно буду памятовать оказанныя въ семъ случаѣ знаки вашей ко мнѣ любви и вашей неустрашимости.

Позвольте, государыня моя, отвѣчалъ Учимъ - Охантей, чтобъ я посмотрѣлъ толь драгоцѣнной перстень: а можетъ быть и время ужѐ пришло съ нимъ посовѣтовать.

Прин-

Принцесса Тефлиская, вынувъ тогда изъ своего кармана мѣшечекъ, въ которомъ былъ ея перстень, подала Принцу, проговоря нѣкоторыя тайныя слова, выученныя отъ своего дѣда, и въ то время такое вдругъ сдѣлалося блистанiе, что они оба нѣсколько времени ослѣплены были.

ЧЕТЫРЕДЕСЯТЬ ТРЕТIЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Въ то время, какъ продолжалось сiе сiянiе, Принцъ со вниманiемъ смотрѣлъ на перстень; онъ видѣлъ мало помалу и одно за другимъ всѣ обстоятельства жизни Гюльгюли-Шемаме до послѣдняго ихъ приключенiя. Царь Кюзегъ казался тамъ быть въ отчаянiи о смерти Гюльпенеи; онъ велѣлъ

поста-

поставить вЪ честь ея великолѢпной безсмертной знакЪ, и единственно обвиняя вЪ толь скоропостижной смерти Китайскаго Принца и прекрасную Грузинку, которыхЪ подозрительными сдѢлалЪ ихЪ побѢгЪ, обѢщалЪ за головы ихЪ знатное награжденіе.

Сія новизна, открытая помощію перстия, чрезвычайно ихЪ обрадовала; они читали вЪ немЪ, такЪ сказать, всякой день, что надлежало имЪ дѢлать, и послѢдуя наставленіямЪ онаго, правились они кЪ Грузіи.

Путешествію ихЪ прошло ужѐ больше двухЪ мѢсяцовЪ, какЪ однимЪ утромЪ позабывЪ посовѢтовать сЪ своимЪ перстнемЪ, отправились они вЪ путь. Едва лишЪ отЪѢхали они одну милю, какЪ превеликой туманЪ помрачилЪ вдругЪ день, и

свѢтЪ

свѣтъ покрылся глубокою тьмою. Такое чудное приключеніе ихъ удивило; но Принцъ вынувъ тогда карбункулъ, которымъ подарилъ его Ахмеди на дватцать шаговъ вокругъ такой сдѣлался свѣтъ, что они могли свободно видѣть въ своемъ перстнѣ.

Сколько карбункулъ полезенъ имъ былъ въ семъ случаѣ, столько печально имъ было видѣть въ своемъ перстнѣ, что они топчасъ разлучатся, и что прежде, нежели опять соединятся, подвержены будутъ тотъ и другой опаснѣйшимъ приключеніямъ. Воображеніе сей разлуки причиняло имъ смертельную печаль; и они еще о томъ проливали слезы, какъ Учимъ Охантеева лошадь, закусивъ вдругъ удила, помчала его сверьхъ его воли, сколько ни старался онъ ея

удер-

удержать. Принцесса слѣдовала за нимъ нѣсколько времени по сiянiю отъ карбункула; но какъ сей свѣтъ изъ глазъ ея пропалъ, и сдѣлалась опять темнота, то принуждена была она дожидаться свѣта; и день нача́лъ опять показываться не прежде, какъ чрезъ цѣлой часъ. Принцесса пришла тогда въ жесточайшее отчаянiе, потерявъ своего любовника. Къ большему нещастiю увезъ онъ съ собою ея перстень; и она не знала въ которую сторону ей ѣхать; но поискавъ безплодно сего Принца, вознамѣрилась она ѣхать къ царству Китайскому, куда она по долговременномъ пути благополучно и прибыла, надѣясь, что безъ сомнѣнiя Принцъ рано или поздо туда прiѣдетъ.

ПРОДОЛ-

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПОВѢСТИ

о Гюльгюли - Шемаме, Принцессѣ Тефлиской.

Доброй Царь Фанфуръ, милостивой государь, продолжалъ Бенъ-Эридунъ, послѣ шестилѣтняго отсудствія Принца Учимъ - Охантея, не надѣясь быть ему живому, наконецъ вознамѣрился оставить по себѣ другова наслѣдника. Тому прошло еще только три мѣсяца, что выбравъ онъ одну изъ невольницъ красоты пресовершенной, возвелъ съ собою на престолъ, какъ Гюльгюли - Шемаме пріѣхала въ Нанкинъ, столицу Китайскую, гдѣ сей Монархъ имѣлъ свое пребываніе. Какъ она не хотѣла о себѣ давать знать, то утаила свой полъ подъ мужескимъ платьемъ, и не взирая на сіе притворство, своею красотою и прелестьми привлекала

влекала на себя зрѣніе всѣхъ Нанкинскихъ жителей.

Фанфуръ съ новою своею супругою сидя у окошка въ самое то время, какъ Принцесса Тефлиская шла мимо, былъ любопытенъ знать, кто таковъ былъ столь пригожей чужестранецъ, выслалъ къ нему сказать, что онъ желаетъ съ нимъ поговорить; и Гюльгюли-Шемаме пришедъ предъ сего Монарха съ величественнымъ видомъ, сказала ему о себѣ, что онъ сынъ Принца Грузинскаго, что зовутъ его Суфель, и что путешествуя для одного только веселья, надѣется онъ прожить въ Нанкинѣ весьма долгое время.

Царева Камзема (имя сей невольницы) которую Фанфуръ участницею сдѣлалъ въ своемъ пре-

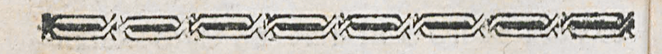
столѣ, была съ симъ Монархомъ, когда позвалъ онъ къ себѣ Гюльгюли-Шемамею; она ему представляла, что несходно съ величествомъ его, чтобъ допустить такого чужестранца, какъ Суфель, жить гдѣ либо индѣ кромѣ дворца; и сей доброй Царь, послѣдуя обычаю старыхъ людей, которые женятся на молодыхъ дѣвушкахъ, и во всѣмъ поступая по волѣ жены своей, согласился на оной совѣтъ, въ которомъ больше участія имѣла любовь Камземова, нежели великодушіе. Она не могла безпристрастно взирать на толь совершеннаго человѣка, сравнивая его съ Царемъ Фанфуромъ. Сей государь, къ коему она никакой склонности не имѣла, показался ей въ то время страшнымъ, и почувствовала въ своемъ сердцѣ воспламененіе жесточайшей страсти къ молодому Суфелю.

Благо-

Благосклонной ея къ нему прїемъ не превожилъ Фанфура; будучи увѣренъ о постоянствѣ Царевы, онъ самъ ежечастно подавалъ ей случаи разговаривать съ Суфелемъ, и Камзема не долгое время спустя послѣ того объявила ему, что происходило въ ея сердцѣ.

Гюльгюли-Шемаме, приписывая сперва учтивости сей Царевы совсѣмъ иной какой либо причинѣ, нежели какая въ самомъ дѣлѣ была, удивилась, слыша толь живое и скоропостижное объявленїе; она была неподвижна, какъ Камзема толкуя въ добрую сторону ея молчанїе, продолжала слѣдующее: я васъ, государь мой, люблю, а Царя ненавижу, и я весьма сильна въ Нанкинѣ: естьли вы человѣкъ отважной, то мнѣ весьма легко возвести васъ на престолъ: я беру

на себя отправить Фанфура, и ожидаю только вашего намѣренія для исполненія сего предпріятія.

ЧЕТЫРЕДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Такой разговоръ ужаснулъ Принцессу Тефлискую; она отдалась назадъ съ чрезвычайнымъ удивленіемъ: О небо! говорилъ онъ Камземѣ, возможно ли, милостивая государыня, чтобъ такое богомерзское дѣло пришло вамъ въ голову? И почитаете ли меня достойнымъ имѣть въ томъ участіе: узнайте получше Принца Суфеля: я не для такихъ великихъ дѣлъ рожденъ, и когдабъ я въ состояніи былъ дать вамъ по́мощь въ толь пагубномъ предпріятіи: то знайте, чтобъ я принялъ престолъ только для того

го, чтобЪ наказать васЪ за такое беззаконіе, о которомЪ и помыслить только мнѢ ужасно.

Царева Наигинская увидѢла вЪ тотЪ часЪ все оное неразуміе; любовь вЪ ея сердцѢ исчезла, чтобЪ дать мѢсто ярости и мщенію; но утаивЪ свое возчувствованіе, государь мой, отвѢчала она, весьма легко вЪ любви должность свою забываютЪ: приписывайте вы только самому себѢ странное мое предпріятіе, которое было я задумала, чтобЪ доказать вамЪ чрезЪ то, до какого неистовства страсть моя простирается: я думала, что весьма мало для васЪ отдать вамЪ одну только мою особу, и что престолЪ могЪ бы васЪ прельстить: какимЪ бы образомЪ онаго ни достигнуть, однако царствовать пріятно: и я не моглабЪ инако доста-

вить вамъ корону, какъ умертвивъ моего супруга; но когда вы не соглашаетесь на мое предложеніе, то будте по крайней мѣрѣ благодарны за милости, которыя можетъ имѣть къ вамъ моего званія женщина, и помните, что не можно заплатить ей за отказъ ничѣмъ инымъ, кромѣ пролитія своей крови.

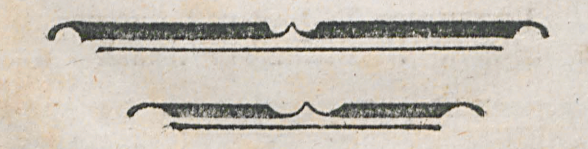
Принцесса Тефлиская раздражась безстыдствомъ Камземы, показывала ясно свое негодованіе на лицѣ своемъ, какъ Царь Нанкинской вошелъ въ царевинъ покой. Нечаянной его приходъ Камзему встревожилъ. Она столь оторопѣла, и Принцесса Тефлиская столь оробѣла, что сей Монархъ не зналъ что угадать изъ ихъ изумленія: что это такое, государыня моя, сказалъ онъ Царевѣ, я вижу на лицахъ вашихъ

шихЪ, не обезпокоиваетЪ ли васЪ мое присудствіе? НикакЪ, милостивой государь, перервала вдругЪ его рѣчь Камзема, выдумавЪ тотчасЪ что ему отвѣчать: естьли вы видите меня изумленну, то причиною тому предложеніе молодаго сего Героя; онЪ пришелЪ ко мнѣ, продолжала она, и повалился вЪ ноги, чтобЪ я испросила ему у васЪ позволеніе итти биться сЪ голубымЪ ЦентавромЪ, которой послѣ завтра покажется у воротЪ здѣшняго города; онЪ хочетЪ потерять свою голову, естьли не приведетЪ его живаго вЪ ваши темницы.

Принцесса Тефлиская, которая сЪ начала царевиныхЪ рѣчей вся трепетала, перервала вЪ сіе время рѣчь ея. Хотя она совсѣмЪ не знала, что-то былЪ за голубой

Центавръ, однако говорила Фанфуру: я, милостивѣйшій государь, не прекословлю Царевѣ, и всенижайше прошу не противиться принятому моему намѣренію, чтобъ свободить васъ отъ сего чудовища.

Царь удивясь Суфелевой отважности, сперва было тому попротивился: я удивляюсь твоей неустрашимости, говорилъ онъ ему, и весьма сомнѣваюсь о успѣхѣ вашего предпріятія: но когда Царева о томъ меня проситъ, поди государь мой, и будь увѣренъ о моей благодарности, естьли совершишъ толь трудное предпріятіе.

ПОВѢСТЬ

О голубомъ (*) Центапрѣ.

Надобно знать, милостивой государь, продолжалъ Бенъ-Эридунъ, что въ околичностяхъ Нанкина была не большая гора, въ низу которой имѣлась пещера; откуда съ цѣлые пять лѣтъ въ опредѣленной день выходилъ голубой Центаврѣ, подходилъ до городскихъ воротъ, и похищалъ пасущіяся стада. Хотя многократно пускали въ него стрѣлы; однако на немъ кожа была крѣпче желѣза. Царь Фанфуръ также много разъ разставливалъ ему сѣти; но онъ осторожно ихъ избѣгалъ; и хотя сей Монархъ знатное обѣщалъ награжденіе, кто бы его досталъ живаго или мертваго; однако ни-

(*) Центавръ нѣкоторое чудовище, имѣющее до половины человѣческой образъ, а отъ половины лошадиной.

кто не могъ того исполнить; и всѣ, предпринимавшіе такое дѣло, бѣдственно въ ономъ погибли. Но возвратимся къ Гюльгюли-Шемеме. Сія Принцесса отдавъ почтительной поклонъ Царю Фанфуру, пошла въ свой покой. Она распросивъ тамъ о обстоятельствахъ Центавра, разсудила по тому, что лучше уловить его какою либо хитростію, нежели силою; при помощи очарованнаго кушака Гюльпенеи, которой остался у ней при разлученіи ея съ Китайскимъ Принцомъ. Она слѣдующей выдумала способъ: потребовала себѣ у Царя Китайскаго колесницу, заложенную двумя сильными лошадьми, толстыя желѣзныя цѣпи, четыре большіе мѣдные котла, бочку лучшаго вина, пирожковъ, сдѣланныхъ изъ самой мѣлкой крупичитой муки.

Фанфуръ приказалъ дать Гюльгюли-Шемамеѣ все, что она ни требовала; она велѣла все то поставить на колесницу, и распросивъ о жилицѣ Центавра, поѣхала она одна туда наканунѣ того дня, въ которой онъ обыкновенно выходилъ. Она поставила тотчасъ котлы на землю, наполнила ихъ потомъ привезеннымъ съ собою виномъ, и набросавъ туда мѣлкими кусками пирожковъ, отошла въ не далеко стоящей оттуда лѣсъ, и обернувши свой кушакъ, препроводила она ночь спокойно.

Лишъ только заниматься стала заря, какъ Принцесса проснулась, она безпрепятственно съ своего мѣста могла видѣть выходъ голубаго Центавра изъ своей берлоги. Онъ удивился, видя четыре мѣдные котла, и услыша винной

 духъ,

духъ, подшелъ къ онымъ поближе; онъ съѣлъ сперва нѣсколько кусковъ, которые ему чрезвычайно показались; потомъ пожралъ съ жадностію остальное, и наконецъ вытянулъ все вино; но онаго столь много было, что его тотчасъ разобрало; и не въ состояніи будучи стоять на ногахъ, принужденъ онъ былъ, спустя малое время, лечь на землю, и заснулъ глубокимъ сномъ.

Грузинская Принцесса видя сіе дѣйствіе, прибѣжала тотчасъ послѣ того съ своими цѣпями, окавала оными Центавра такъ крѣпко, что хотябъ онъ и во всей своей силѣ былъ, то не могъ бы никакъ изъ оныхъ выдраться; и положивъ его съ превеликимъ трудомъ на колесницу, сама на оную сѣла, и везла его такимъ образомъ въ городъ, гдѣ отворили ей всѣ ворота.

Отъ жестокаго толканія колесницы Центавръ прогулявъ не много свой хмѣль, несказанно удивился, видя себя связаннаго; но не могши свободиться отъ цѣпей, сколько онъ о томъ ни старался, позволилъ себя везти, какъ скотину.

Всѣ Нанкинскіе жители исполнены были удивленія и страха; одна только Гюльгюли - Шемаме являла спокойное и тихое лице, сидя съ Центавромъ на колесницѣ; и они проѣхали ужѐ большую часть го́рода, какъ попалась имъ на встрѣчу погребательная церемонія одного молодаго Китайца, котораго отецъ горкія проливалъ слезы; между тѣмъ какъ одинъ изъ Бонзовъ, ведущей сію церемонію, распѣвалъ веселымъ голосомъ наподобіе свадебныхъ пѣсенъ, въ похвалу раму (*) и Вихну.

(*) Индейскіе идолы.

Голубой Центавръ приподнявъ въ то время свою голову, смотрѣлъ нѣсколько времени на церемонію весьма пристально, и началъ потомъ такъ сильно хохотать, что чють не задохся, и привелъ чрезъ то Принцессу въ крайнее удивленіе.

ЧЕТЫРЕДЕСЯТЬ ПЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Гюльгюли-Шемаме видѣла съ удивленіемъ такое сумозбродство, которое еще умножилось, какъ немного подалѣ проѣжжая чрезъ площадь, Центавръ еще сильняе и громче прежняго захохоталъ, смотря на народъ, которой съ радостію глядѣлъ на молодаго повѣшеннаго вора.

Чѣмъ больше Центавръ хохоталъ, тѣмъ больше умножалось уди-

удивленіе Принцессы Тефлиской и народа, которой слѣдовалъ за нею толпою. Они продолжали свой путь, не останавливаясь; и пріѣхавши предъ Фанфуровъ дворецъ, услышали радостныя восклицанія: да здравствуетъ тысячу лѣтъ храброй и неустрашимой Суфель. Тогда-то Центавръ захохоталъ ужѐ несравненно больше прежняго.

На сей крикъ Царь вышелъ на дворъ предъ свои палаты, держа за̀-руку Цареву Камзему. Центавръ глядѣлъ на нея пристально, потомъ оглядѣлъ всѣхъ ея свиты дамъ, и расмотрѣвъ ихъ одну за другою, столько умножилъ свое хохотанье, что Царь и всѣ предстоящіе несказанно изумились.

Фанфуръ спрашивалъ у Гюльгюли-Шемаме о причинѣ такого

без-

безмѣрнаго смѣха; она ему сказала, что ей самой про то не извѣстно, и притомъ обьявила ему всѣ происшедшее послѣ взятья Центавра. Царь спрашивалъ его самъ, однако не могъ получить никакого отвѣта, и велѣлъ запереть его въ двойную желѣзную клѣтку, отъ которой сдѣланы были два ключа, изъ которыхъ одинъ спряталъ у себя, а другой отдалъ Гюльгюли Шемамѣ, которая не преминула, такъ какъ и сей Монархъ, ходить два раза въ день глядѣть Центавра, которому давали весьма хорошую пищу.

Камзема надѣясь избавиться Суфеля, чрезвычайно удивилась, увидя его возвращенiе изъ такого мѣста, куда она нарочно послала его, чтобъ его истребить; любовь ея при глазахъ толь совершеннаго

Принца

Принца воспламенялась новымъ жаромъ; она вознамѣрилась употребить послѣднее стараніе, для склоненія въ свою любовь, и приказала позвать его къ себѣ подъ тѣмъ видомъ, чтобъ поздравить его съ побѣдою.

Гюльгюли-Шемаме не осмѣлився ослушаться, пошла въ Камземинъ кабинетъ, и застала ея одну: государь мой, говорила ей Царева, я покрыла васъ славою, ища вашей смерти: довольно ли для васъ сего опыта? Я люблю васъ, не взирая на ваше презрѣніе, и откровенно вамъ признаюсь, что я бы умерла съ печали, когда бы вы были жертвою сему чудовищу: но будь увѣренъ, что я имѣю новыя средства къ вашей погибели, когда нечувственное ваше сердце не будетъ соотвѣтствовать чрезвычайной

ной моей къ вамъ горячности. Склоняется ли, государь мой.... Нѣтъ, милостивая государыня, перервалъ Суфель, сколь бы много власти надъ Царемъ вы ни имѣли; однако ни ваши прозьбы, ни ваши угрозы не принудятъ меня ничего сдѣлать противъ моей должности: не питайте себя надеждою меня преклонить, и бойтесь, чтобъ я не увѣдомилъ сего Монарха о недостойной вашей страсти.

Камзема слыша сіи представленія, воскипѣла яростію: невѣрной, сказала она ему, ты не долго останешься безъ наказанія за поруганіе моей красоты. Въ то время исцарапала она свое лице, кричала изо всей силы, и приказавъ многимъ Евнухамъ, которые вошли на крикъ въ ея комнату, схватить Суфеля; побѣжала вся расплакана

просить

просить у Царя мщенія, за оскорбленіе ея чести Принцомъ Грузинскимъ.

Фанфуръ столько убѣжденъ былъ о разумномъ поведеніи Камземы, что ни мало не усумнился о справедливости ея жалобъ; онъ чрезвычайно разгнѣвался на Суфеля, приказалъ его оковать цѣпями; не хотѣвъ его выслушать, отвелъ самъ въ тюрьму къ голубому Центавру, и выговаривая ему злоумышленіе его противъ чести Камземы, увѣрилъ его, что онъ вскорѣ предастъ его наисрамнѣйшей смерти.

Слыша сіи угрозы Центавръ, столь громко захохоталъ, что задрожалъ потолокъ въ его тюрьмѣ; Царь еще больше прежняго тому удивлялся; такіе безмѣрные и необычай-

обычайные смѣхи побудили его любопытство; онъ неотступно просилъ его объ открытіи тому причины, обѣщалъ съ тѣмъ договоромъ даровать ему вольность, только чтобъ онъ не похищалъ у него стадъ, и притомъ обнадежилъ, что когда онъ будетъ долѣе молчать, предать его того же дня смерти.

Голубой Центавръ болѣе льстя себя Фанфуровымъ обѣщаніемъ, нежели устрашась его угрозъ, подошелъ къ рѣшеткамъ своей клѣтки: Царь Нанкинской, отвѣчалъ онъ ему, содержишь ли ты мнѣ твое слово? Я кленусь моею головою, сказалъ ему Фанфуръ, удивясь слышать Центавра въ первой разъ: вели же притти сюда всѣмъ твоимъ придворнымъ, Царевѣ Камземѣ, и всѣмъ невольницамъ ея свиты, не

выклю-

выключая ни одной, говорилъ Центавръ, я обѣщаюсь при нихъ удовольствовать твои желанія.

Царю столь нетерпѣливно хотѣлось знать причину сихъ смѣховъ, что онъ въ тотъ же часъ послалъ за всѣми тѣми, которыхъ требовалъ голубой Центавръ. Когда собраніе было полное, то Царь напомнилъ его обѣщаніе; но Центавръ сказалъ, что онъ прежде говорить не будетъ, пока не освободятъ изъ цѣпей Суфеля; по чему тотчасъ его освободили; и онъ на́чалъ слѣдующее расказывать Фанфуру: при погребеніи молодаго Китайца смѣялся я, увидя, что плакалъ горько тотъ, которой думалъ быть себя его отцомъ: между тѣмъ какъ одинъ изъ поповъ, которой въ томъ дѣлѣ помогалъ, да и нынѣ еще дѣйствительно

живетъ

живетъ беззаконно съ женою сего простяка, пѣлъ изъ всей своей силы, и внутренно смѣялся о печали мужа своей любовницы, по сынѣ, въ рожденіи котораго ни малѣйшаго участія онъ не имѣлъ.

Какъ же еще не смѣшно, увидя тысячу воровъ, которые разкрали, да и нынѣ еще ежедневно крадутъ безчисленныя суммы у народа, коего можно ихъ назвать піяицами, похваляющихъ твое правосудіе, что повѣшенъ одинъ молодой человѣкъ, которой по необходимости для пропитанія себя, своей жены и четырехъ дѣтей принужденъ былъ унести у одного изъ нихъ десять чекиновъ: между тѣмъ какъ самъ тотъ, у кого они украдены, естьли бъ сказать правду, за свои мошенничества достоинъ бы быть повѣшенъ вмѣсто вора. Въ семъ мѣстѣ

стѣ Центавръ замолчалъ, и притворился, что онъ больше говорить не хочетъ; но Фанфуръ просилъ его неотступно: Царь Нанкинской, сказалъ онъ ему, не принуждай меня объявить послѣднее: я желаю лучше оставить въ молчаніи, нежели открыть тебѣ такія дѣла̀, которыя наведутъ тебѣ прискорбность.

Сіи рѣчи возбудили еще больше любопытство царево: сколь бы не пріятно мнѣ ни было, отвѣчалъ онъ ему, твое объявленіе, но пожалуй, я тебя прошу, изъясни мнѣ оное поскоряе. Ты того желаешь, продолжалъ Центавръ, такъ слушай же: какъ мнѣ можно было не смѣяться, слыша громогласное восклицаніе твоего народа: да здравствуетъ храброй Суфель, да здравствуетъ побѣдитель голубаго

лубаго

лубаго Центавра: между тѣмъ какъ я зналъ, что платье молодаго сего человѣка укрываетъ совершенной красоты дѣвицу, и къ которой Принцъ твой сынъ, который еще живъ, пылаетъ жестокою страстію.

ЧЕТЫРЕДЕСЯТЬ ШЕСТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Какъ Гюльгюли-Шемаме, милостивой государь, въ сей часъ закраснѣлась, такъ напротивъ того Камзема вся поблѣднѣла, на которую Царь взиралъ съ негодованіемъ. Какъ она стояла близъ железной клѣтки, то Центавръ схватилъ ея за руку: злая и непотребная жена, говорилъ онъ ей, не довольно того, чтобъ обьявить Монарху сей только твой подлогъ; когда умножилъ

множилЪ я мой смѣхЪ, видя тебя сЪ женщинами твоей свиты, которыя всѣ участницами вЪ твоихЪ непотребствахЪ; и когда бросили вЪ тюрьму невиннаго Суфеля, будто онЪ хотѣлЪ тебя изнасильствовать, то несправедливѣйшая ли была тому причина? Потому что не возможно, чтобЪ дѣвица зло умышляла на твою честь, которую ты столь мало бережешь, что между сими невольницами есть двое мущинЪ, сЪ которыми ежедневно ты награждаешь малую твою любовь кЪ Царю. Камзема отЪ страха была полумертва, какЪ не трудно было освидѣтельствовать справедливость Центаврова на ея доноса, то Царь согналЪ ея сЪ своихЪ глазЪ, и не взирая на прошенія Гюльгюли-Шемаме за сію недостойную Цареву, онЪ осудилЪ сжечь ея живую сЪ двумя своими потаенными любо-

 вниками,

виками, и велѣлъ изрубить всѣхъ ея невольницъ. Какъ могу я, государыня моя, говорилъ онъ тогда Принцессѣ Тефлиской, загладить мою погрѣшность, которую учинилъ я противъ васъ по ослѣпленной моей къ Камземѣ страсти.

Щастливъ бы я былъ, естьлибъ мой сынъ, сей любезной сынъ, котораго я столь давно лишился, и которому, какъ слышалъ я, столь вы дороги, нечаяннымъ возвращеніемъ могъ вмѣсто меня оное исполнить, раздѣливъ съ толь неоцѣненною Принцессою корону, которой тягость, по потеряніи его всегда меня угнѣтала.

Гюльгюли-Шемаме пролила нѣсколько слезъ при напамятованіи Китайскомъ Принцѣ, какъ Центавръ, котораго выпустили на во-

лю,

лю, слѣдующее говорилъ: Царь Нанкинской, перестань сокрушаться: а ты прекрасная Принцесса, не проливай больше слезъ, вы вскорѣ увидите того, которой причиною вашихъ печалей, и найдете въ немъ почтительнаго сына и любовника горячаго и вѣрнаго: подите навстрѣчу сему Принцу, продолжалъ онъ, онъ входитъ въ Нанкинъ, въ самой тотъ часъ, какъ я вамъ говорю. Потомъ сверкнувъ какъ молнія Центавръ, ушелъ изъ глазъ всѣхъ предстоящихъ.

Фанфуръ и Гюльгюли-Шемаме совершенно тому обрадовались; они видѣли отъ Центавра толико чрезвычайностей, что ни мало не сомнѣваясь о истиннѣ пріятной его вѣдомости, тотчасъ пошли навстрѣчу Принцу, и вскорѣ потомъ увидѣли его окруженнаго народомъ,

 кото-

которой усердіе свое къ нему изъявлялъ многими радостными восклицаніями.

Учимъ-Охантей хотѣлъ было тотчасъ броситься къ ногамъ своего отца; но сей государь не допустивъ его до того, со слезами обнявъ, говорилъ ему: О! мой сынъ, коликихъ слезъ стоило мнѣ твое отсудствіе, и какимъ было злополучіямъ подвергнуло моихъ подданныхъ: но напослѣдокъ я опять тебя вижу, и забываю въ сей часъ все то, что претерпѣлъ я по твоемъ отъѣздѣ, а радуюсь только, что тебя увидѣлъ. Я знаю всѣ ваши, милостивой государь, прискорбности и печали, отвѣчалъ Китайской Принцъ, и какимъ образомъ прекращены оныя Принцессою Тефлискою. Одинъ славной волхвъ, которой помогъ мнѣ на-

наказать злодѣя прекрасной Принцессы, о всѣмъ меня увѣдомилъ, что при вашемъ дворѣ ни происходило. Какъ онъ весьма обо мнѣ старался, и помощїю своей науки ничто въ свѣтѣ тайно быть отъ него не могло, то перенесши меня съ невѣроятною скоростїю въ сїи мѣста, увѣдомилъ онъ о правосудномъ вашемъ мщенїи за невѣрность Камземы.

Гюльгюли-Шемаме чувствовала совершенное удовольствїе. Она нашла опять своего любовника, не опасаясь больше потерять, и видѣла его побѣдителемъ злаго Бизегъ-Эль-Казака. Она оказала сему Принцу столько нетерпѣливости знать обстоятельства толь славной побѣды, что вошедши во дворецъ, и расказавши Царю своему отцу всѣ свои похожденїя до разлученїя

его съ Принцессою Тефлискою, продолжалъ онъ слѣдующими словами.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПОВѢСТИ

О Учимъ-Охантеъ Китайскомъ Принцѣ.

Вы довольно помните, государыня моя, какъ лошадь моя взбѣсилась; она меня мчала такъ сильно, что я никоимъ образомъ удержать ея не могъ; хотя сіяніе карбункула и освѣщало темноту, показывающую тогда землю; но лошадь моя такъ прытко мчала, что я почти не могъ разглядѣть окружившихъ меня предметовъ. Сколько помнится мнѣ, то по обѣимъ сторонамъ дороги казались мнѣ преужасныя пропасти, которыя не позволяли мнѣ, не отважив своей жизни, сбро-

сброситься съ лошади. Напослѣдокъ я ужѐ не знаю, землй что ли не стало подъ ея ногами, но только упалъ съ нея; летѣлъ я въ низъ около доброй четверти часа, не останавливаясь; и потерявши дыханіе отъ толь скораго движенія, очутился я на не большомъ лугу предъ отверстіемъ преужасной пещеры. Я безъ сомнѣнія долгое время былъ въ обморокѣ отъ сего паденія; и опамятовавшисъ, не видя вокругъ себя ничего инаго, кромѣ пропастей, взошелъ при сіяніи моего карбункула въ оную пещеру. Я шелъ болѣе часа, не находя ничего, кромѣ всякаго рода пресмыкающихся, которыя отъ меня бѣжали; напослѣдокъ пришелъ я къ каменной горѣ, столь блистающей, что казалось, будто она вся усыпана бриліантами, на которой сидѣла обезьяна огненна-

го цвѣта, величиною съ человѣка. Какъ скоро сіе животное меня увидѣло, то тотчасъ сошла съ горы, повалилась предъ моими ногами, и дѣлала мнѣ многія ласки.

Я обнажилъ мою саблю, опасаясь нечаяннаго нападенія при входѣ моемъ въ пещеру. Обезьяна давала мнѣ знакъ, чтобъ я оною ударилъ по горѣ въ самое блистательнѣйшее мѣсто; какъ лишъ скоро оное исполнилъ, то увидѣлъ, что каменная гора разсѣлась надвое, и чрезъ сіе отверстіе оказалась черная мраморная лѣсница съ золотыми перилами.

ЧЕТЫРЕДЕСЯТЬ СЕДЬМАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Я немедленно пошелъ по сей лѣсницѣ, продолжалъ Китайской

ской Принцъ, имѣя предводителемъ обезьяну, сошедши около семи сотъ ступеней, вошелъ я въ большой залъ, освѣщенной двенатцатью хрустальными паникадилами, въ срединѣ котораго стояла бѣлая мраморная гробница, на которой вырѣзаны были повсюду обезьяны разной величины. Сіе явленіе нѣсколько меня удивило; но обезьяна огненнаго цвѣта, почерпнувъ воды изъ фонтана, здѣланнаго въ углу зала, полила на сіи рѣзныя фигуры; и они тотчасъ сдѣлавшись живыми, понесли обезьяну въ тріумфѣ, и бросились съ нею въ сей фонтанъ.

Толь странная церемонія меня удивила; я ожидалъ окончанія оной съ нетерпѣливостію, какъ увидѣлъ вышедшаго изъ гробницы человѣка превеликаго росту, всего покрытаго

стальными клинками, которой шелъ на меня прямо съ саблею въ рукѣ. Я почелъ за нужно его предупредить, по долговременномъ сраженіи збилъ я его съ ногъ, и распустивъ ремни панцыря, которой былъ на немъ, усмотрѣлъ я съ немалымъ удивленіемъ, что бился только съ пустымъ оружіемъ, составленнымъ наподобіе человѣка.

Равномѣрное волшебство безъ сомнѣнія должно было меня удивить; я разрѣзалъ тотчасъ всѣ ремни, связывающіе сію арматуру, и побросавъ ихъ въ фонтанъ, услышалъ вдругъ пріятное пѣніе, послѣ котораго вышло оттуда столько мущинъ и женщинъ, сколько побросалось туда обезьянъ и мартышекъ.

Напереди сей компаніи шелъ человѣкъ величаваго виду, въ долгой

гой епанчѣ огненнаго цвѣта, шитой золотомъ и унизанной жемчугомъ и бриліантами; онъ подошедъ ко мнѣ съ благородною осанкою, милостивой государь, говорилъ мнѣ, я долгое время ожидалъ васъ съ нетерпѣливостію для совершенія приключенія, отъ котораго зависитъ все спокойствіе какъ моихъ, такъ и вашихъ дней, потому что выручивъ мою супругу изъ рукъ безчеловѣчнаго Казака, и низвергнулъ сего урода: возвратите вы Принцессѣ Тефлиской ея области, и сдѣлайтесь владѣтелемъ сей прекрасной особы.

Вамъ, можетъ быть, государь мой, удивительно кажется, что я столь знаю о вашей страсти; но вамъ покажется то не чудно, когда вы узнаете, кто я таковъ; потомъ посадивъ меня подлѣ себя

на софу, продолжалъ онъ слѣдующимъ образомъ.

ПОВѢСТЬ

О Бизекъ-Гелъ-Аснѣ.

Имя мое довольно извѣстно между волхвами; меня зовутъ Бизекъ-Гель-(*) Асна, не для какой либо во мнѣ красоты, но только для различенія отъ злаго Бизекъ-Гель-Казака моего брата, которой такъ прозванъ по причинѣ развращенныхъ своихъ нравовъ. Власть его всегда была превосходнѣе моей, потому что злые духи, съ коими свелъ онъ тѣсное дружество, дали ему великое превосходство, въ злобѣ котораго я никогда не хотѣла достигнуть.

Подлѣ

(*) Асна на Арапскомъ значитъ пригожей.

Подлѣ меня жила въ сосѣдствѣ одна прекрасная дѣвица, именемъ Сагика; я ея видалъ часто; и столь были сходны всѣ мои съ нею склонности, что мы въ короткое время возъимѣли другъ къ другу совершенное почтенiе. Вы сами знаете, государь мой, что почтенiе отъ любви не въ дальномъ разстоянiи находится; такимъ образомъ не долго мы жили, не почувствовавъ взаимной горячности. Я предложилъ ей, чтобъ соединиться намъ святѣйшимъ союзомъ; она на то согласилась, и мы назначили день для совершенiя сей церемонiи.

Хотя мы съ братомъ весьма мало имѣли обхожденiя; однако я изъ учтивства о томъ его увѣдомилъ; онъ похвалилъ мой выборъ, и хотѣлъ быть на нашей свадьбѣ; я зналъ, что онъ имѣлъ великую

склонность ко всякому злу; но разсудилось мнѣ, что по крайней мѣрѣ приметъ онъ въ уваженіе кровное наше родство, и совсѣмъ не помышлялъ о безсовѣстной такой измѣнѣ, какую онъ мнѣ сдѣлалъ.

Мы всѣ волхвы, равномѣрнаго почти знанія, не можемъ другъ другу ни въ чемъ вредить, ниже уничтожить то, что другой сдѣлаетъ; но когда мы женимся, то вся наша власть бываетъ не дѣйствительна въ день только нашей свадьбы, развѣ только мы женимся на волшебницѣ, или на какомъ духѣ, которой бы насъ не перерождалъ; и по сей причинѣ мы весьма рѣдко женимся на простыхъ смертныхъ; а естьли когда и женимся, то потаеннымъ образомъ.

Мой братъ симъ обстоятельствомъ пользовался, или влюбясь

въ

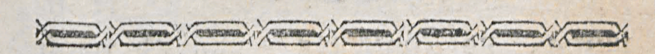
въ мою жену, или по одной ужѐ своей привычкѣ ко всякимъ злымъ дѣламъ, говорилъ онъ Сагикѣ весьма непристойныя и непочтительныя рѣчи. Я не зналъ сперва чему приписать сіе дурачество; но видя, что мое присудствіе отъ того его не удерживало, то оказалъ я ему мое въ томъ неудовольствіе; онъ мнѣ насмѣхался, называлъ меня ревнивымъ, и наконецъ употребивъ свою безстыдность до крайности, въ такое привелъ меня огорченіе, что обнаживъ саблю, хотѣлъ было я на него броситься, какъ онъ дотронувшись до меня своею палочкою, постой дерзновенной, вскричалъ онъ, я не хочу сквернить моихъ рукъ въ твоей крови: надобно тебя наказать наичувствительнѣйшимъ ударомъ: превратись въ обезьяну огненнаго цвѣта, и будь свидѣтелемъ благополучія, которымъ

рымъ я буду наслаждаться съ твоею супругою.

Какъ лишъ скоро невѣрной мой братъ промолвилъ сіи слова̀, то я превратился въ обезьяну, которая проводила васъ до сихъ мѣстъ; но сей плутъ не видя ничего отъ любезной Сагики, кромѣ отвращенія и несклонности, вывелъ своимъ волшебствомъ изъ землѝ бѣлую мраморную гробницу, въ которую принудилъ онъ ея войти; сдѣлалъ очарованное оружіе, съ которымъ вы бились, превратилъ въ обезьяны и мартышки всю мою свиту; погрузилъ въ глубочайшую бездну домъ, гдѣ была наша свадьба, и провелъ меня по лѣстницѣ съ золотыми перилами до блистающейся горы̀, гдѣ уже́ я нахожусь больше го́да.

Раз-

Разсудите, государь мой, сами о моей печали и мучительномъ состоянiи, въ которомъ я съ того времени нахожусь. Храбрость ваша прекратила ужѐ нѣкоторую часть моихъ нещастiй: теперь осталось только вамъ низвергнуть очарованiе бѣлой мраморной гробницы: а для достиженiя онаго, надлежитъ вамъ только подернуть къ себѣ сiю золотую цепь: но напередъ отдохните не много отъ вашего труда.

ПРОДОЛЖЕНIЕ

Похожденiя Принца Китайскаго.

Я пошелъ за волхвомъ Бизекъ-Гель-Аскомъ въ маленькой кабинетъ, продолжалъ Китайской Принцъ, и нашелъ тамъ преизрядной

ной завтракъ, которымъ подкрѣпилъ я истощенныя мои силы, и потомъ возвратившись въ залъ, лишь только я золотую цепь къ себѣ подернулъ, то упало на полъ двенатцать огненныхъ шаровъ, которые въ срединѣ растворившись, изблевали изъ себя, такъ сказать, каждой по чудовищу разныхъ родовъ, имѣющихъ отъ головы до пояса образъ человѣческой.

Двенатцать чудовищъ стали тогда вокругъ мраморной гробницы, не допуская меня къ окой приближиться; и въ то время вышелъ изъ средины сей гробницы яшмовой столбъ, на которомъ написано было золотыми литерами сіи три слова: *ударяй*, *раззоряй*, *спускайся*. Я хотя и безъ того намѣренъ уже былъ напасть на двенатцать чудовищъ; но поощряемъ

емъ еще болѣе къ тому симъ видѣніемъ, вмѣстѣ съ Бизекъ-Гельасномъ, которой не давалъ ни одного промаха, мы тотчасъ попрали всѣ представляющіяся намъ препятствія; и огненные шары и чудовища провалившись сквозь полъ, подошли мы къ столбу, которой, какъ лишъ скоро до него я дотронулся моею саблею, такъ какъ и гробница, разсыпались въ мѣлкой прахъ.

ЧЕТЫРЕДЕСЯТЬ ОСЬМАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Потомъ сошли мы по перекладу на лѣстницу, высѣченную изъ дикаго камня; она вывела насъ на берегъ рѣки, въ которой вода показалась намъ весьма черна. Мы нашли тамъ маленькое судно со

всякими потребными съѣстными припасами на весьма долгое время; и волхвъ съ однимъ только со мною сѣвши въ оное судно, поѣхали поперегъ, и послѣдуя теченію рѣки, плавали мы такимъ образомъ болѣе мѣсяца. Послѣ котораго времени пріѣхали мы наконецъ къ устью одной пещеры, которая пожирала въ себя воду.

Хотя быстрина оной несла насъ съ чрезвычайною скоростію; однако мы не скоряе, какъ въ пять дней переѣхали оную при сіяніи моего карбункула, и по прошествіи сихъ дней увидѣли мы свѣтъ. Мы плыли тогда гораздо медлительнѣе, и ѣхали вдоль одной рѣки, какъ увидѣли двухъ женщинъ всѣхъ расплаканныхъ, которыя бѣжали къ намъ, и махали, чтобъ мы присталли къ берегу; мы поворотили судно

дно свое къ нимъ, и вышедши на́ берегъ, тотчасъ къ нимъ подошли. Ахъ! милостивые государи, вскричала одна изъ сихъ женщинъ, есть-ли вы имѣете хотя малую жалость, подайте немедленно по́мощь прекрасной Сіагикѣ, которую ужѐ съ цѣлой годъ мучитъ одинъ злой волхвъ: она при послѣднемъ концѣ своей жизни, потому что она нынѣшней день намѣрена лучше принять лютѣйшую смерть, нежели согласиться выттти за немилосердаго Казака. Сохрани отъ того Богъ прекрасную Сіагику, вскричалъ я тогда: ужѐ время, государь мой, продолжалъ я, оборотясь къ Бизекъ-Гель-Асну, отмстить вамъ за невѣрность негоднаго вашего брата, и не пощадимъ урода . . . . Мнѣ чрезвычайно мила ваша ревность, перервалъ волхвъ, но есть другой способъ гораздо наде-

надежнѣйшій и не столь опасной для моего мщенія: скотская Казакова страсть столько его ослѣпляетъ, что онъ больше о мнѣ и не думаетъ: надобно, чтобъ онъ самъ себя лишилъ всей своей власти: я хочу, чтобъ онъ женился на моей драгой Принцессѣ, а потомъ я ужè знаю, какъ наказать сего злодѣя за его ко мнѣ преступленіе.

Бизекъ-Гель-Асна вынувъ тогда изъ кармана бумажку, написалъ карандашемъ къ Сагикѣ принятое имъ намѣреніе; и какія должна она употребить средства для обмана Казака, и отдавъ сію бумажку той невольницѣ, которая просила о его помощи, отнеси это прекрасной твоей госпожѣ, сказалъ онъ ей, она найдетъ тутъ лѣкарство всѣмъ своимъ болѣзнямъ. Невольница не медлила ни минуты;

она

она поспѣшно исправила порученную ей коммиссію; и Сагика развернувъ бумажку съ нетерпѣливостію, едва было съ радости не умерла, увѣдомясь, что супругъ ея получилъ первой свой образъ. Она совершенно утаила свои мысли, какъ Казакъ вошелъ къ ней въ покой: когда ужѐ должно преклониться, сказала она ему, весьма по видимому спокойнымъ лицемъ: я согласна, милостивой государь, вытти за васъ нынѣшней день, но съ такимъ договоромъ, чтобъ отнынѣ чрезъ три дни не употреблять вамъ надо мною свадебнаго пра́ва: и я даю вамъ мою руку только съ тѣмъ. Ахъ! государыня моя, я кленусь вамъ въ томъ, вскричалъ Казакъ съ радостнымъ восторгомъ: сколь бы нетерпѣливно ни желалъ я вами владѣть: естьли я не здержу ненарущимо даннаго

наго моего вамъ слова, то пусть лишусь я на вѣки всей моей силы. По сему обнадеживанію Казакъ бракосочетаясь съ Сагикою, собралъ силою своего волшебства въ одну минуту всѣ удобвозможныя забавы и увеселенія.

Онъ былъ при ней, и старался развеселить печаль, которая видима была на ея лицѣ; какъ сія Принцесса весьма безпокоясь о замедленіи обѣщанія истиннаго своего супруга, увидѣла его, вшедшаго со мною въ ея покой. По сему ужасному явленію для невѣрнаго Казака, хотѣлъ было онъ убѣжать; но Бизекъ-Гель-Асна ударивъ его съ своей стороны своимъ прутикомъ, останься, бездѣльникъ, сказалъ онъ ему, и признай все твое злодѣйство.

Казакъ имѣя тогда ноги, такъ сказать, прикованы къ полу, не могши ни впередъ ни назадъ подвинуться, не только не оказалъ никакого разкаянія, но еще изблевалъ на своего брата все то, что можно вздумать, съ бѣшенства и отчаянія. Я не могъ терпѣть такихъ продерзостныхъ рѣчей: на что долѣе, государь мой, вскричалъ я, оставлять жить сего злодѣя: я тотчасъ избавлю землю отъ такого урода: тогда не ожидая соизволенія на оное Бизекъ-Гель-Асны, которой, казалось, противится моему намѣренію, отрубилъ голову Казаку.

Едва лишъ сей нещастной волхвъ умеръ; какъ всѣ его подчиненные, стонувшіе подъ его тиранствомъ, бросились къ нашимъ ногамъ, и просили о милости у

Бизекъ-Гель-Асиы: онъ принялъ ихъ милостиво, и перенесши насъ во мгновеніе ока въ свой домъ, присудствіемъ своимъ отогналъ всю царствующую тамъ чрезъ толь доглое время печаль. Препроводивъ тамъ нѣсколько времени для оказанія любви своей супруги, сей волхвъ проводилъ меня тотчасъ въ Тефлисъ, гдѣ собравъ начальниковъ вашего государства, обьявилъ онъ имъ о смерти похитителя престола, и принудилъ ихъ въ присудствіи моемъ вовобновить должную вамъ присягу вѣрности. Потомъ, государыня моя, обьявилъ онъ мнѣ, въ какомъ вы будете крайнемъ нещастіи отъ невѣрной Камземы, за презрѣніе ея любви: увѣдомилъ меня о побѣдѣ вашей, одержанной надъ Центавромъ, и что сей былъ одинъ волхвъ, которой за нѣкакое учиненное имъ пре-

преступленіе осужденъ на девять лѣтъ быть въ такомъ образѣ, развѣ только побѣжденъ будетъ хитростію одной дѣвицы, и получитъ опять отнятую ею вольность: послѣ чего Бизекъ-Гель-Асна поднявшись со мною на воздухъ, разсѣкая оной съ чрезвычайною быстростію, принесъ меня къ Нанкинскимъ воротамъ въ самое то время, какъ невѣрная Камзема очищала свои беззаконія огнемъ.

Фанфуръ и Гюльгюли-Шемаме слушали Принца съ крайнимъ удовольствіемъ. Я не хочу, любезной мой сынъ, говорилъ ему тогда сей добродушной отецъ, откладывать твоего удовольствія ни на одну минуту: я столь много одолженъ сею Принцессою, что съ радостію пріемлю я за свою дочь: но я намѣренъ для васъ еще боль-

ше сдѣлать: я поручаю въ ваши руки царство Китайское, и хочу . . . Нѣтъ, нѣтъ, милостивѣйшій государь, отвѣчалъ Учимъ-Охантей, вставши предъ своимъ отцомъ на колѣна: вы престола не оставите: естьлибъ владычествовало мною честолюбіе, тобъ я владѣлъ государствомъ, гдѣ подлинно, могу сказать, я былъ обожаемъ: я оставилъ оное безпечально, чтобъ увидѣть васъ: Тефлиское царство удовольствовать можетъ мои желанія: но естьлибъ Принцесса хотѣла согласиться на мой совѣтъ, то я бы лучше еще, милостивѣйшій государь, желалъ остаться здѣсь послѣднимъ вашимъ подданнымъ, нежели царствовать въ Грузіи.

ЧЕТЫРЕДЕСЯТЬ ДЕВЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Гюльгюли-Шемаме тронута будучи Принцовымъ великодушіемъ, согласилась на его предложеніе, и Фанфуръ принужденъ будучи на неотступное ихъ прошеніе преклониться, хотѣлъ только оное исполнить съ тѣмъ, чтобъ Принцъ его сынъ царствовалъ съ нимъ вмѣстѣ; въ чемъ неотмѣнно надлежало ужѐ повиноваться. Учимъ-Охантей объявленъ былъ Царемъ; бракосочетался съ Гюльгюли-Шемамеей, и наслаждался съ сею прекрасною Принцессою благополучіемъ, которое не прерывалось никакими приключеніями, коимъ весьма часто подвержена бываетъ жизнь государей.

Новой Визирь въ семъ мѣстѣ престалъ говорить, и Шемсъ Эддинъ

динъ засвидѣтельствовалъ ему свое удовольствіе: твои повѣсти меня очаровали, сказалъ онъ ему, обнявши: но, какъ возможно, любезной мой Бенъ-Эридунъ, чтобъ такое множество похожденій было у тебя въ толь свѣжей памяти: я признаюсь, что оное мнѣ чуднымъ кажется, и притомъ удивляюсь, какъ пріятно и памятно расказывалъ ты мнѣ похожденіе Китайскаго Принца, и всѣ прочія включенныя въономъ. Ахъ! милостивѣйшій государь, отвѣчалъ съ почтеніемъ Абюбекеровъ сынъ, мнѣ думается не безъ основанія, что ваше величество чрезъ сіе разсужденіе даете мнѣ знать, что я сею повѣстью съ лишкомъ замедлилъ, и что можно бы очень обойтись безъ расказыванія о Принцѣ Ахемскомъ и молодой Принцессѣ Борнейской: я самъ оное наконецъ при-

примѣтилъ, и для того умолчалъ о нѣкоторыхъ похожденіяхъ, которыя ещебъ больше замедлили исторію о Учимъ-Охантѣ. Не думай себѣ, отвѣчалъ Царь Астраханской, чтобъ ты ужѐ совсѣмъ отдѣлался: я очень помню, что въ самое то время, какъ Принцесса Тефлиская хотѣла раскавывать Китайскому наслѣднику исторію о морскомъ разбойникѣ Фарукѣ, вошла къ нимъ въ залъ Гюльпенея: и притомъ еще помнится мнѣ, что ты мнѣ не изъяснилъ, какимъ образомъ сія Принцесса, имѣя у себя покровителемъ толь храбраго человѣка, какъ Фарукъ, сдѣлалася невольницею дочери Царя Кюзега. Сіе обстоятельство, милостивѣйшій государь, отвѣчалъ Бенъ-Эридунъ, я оставилъ въ намѣреніи отложить похожденіе Фаруково: но когда, ваше величество, желаете о

томъ вѣдать, то вотъ какимъ образомъ прекрасная Грузинка сдѣлалася невольницею Гюльпенеи.

Тишина, продолжавшаяся на́-морѣ толь долгое время, вдругъ перестала, и корабль, на которомъ были Фарукъ и Гюльгюли-Шемаме, шелъ въ одну ночь на всѣхъ парусахъ, какъ сія Принцесса чувствуя великую тягость у се́рдца, вышла изъ своего каюта на воздухъ; она прохаживалась нѣсколько времени по корабельному деку, и наклонясь, чтобъ тѣмъ удобнѣе выкинуть, что ея обезпокоивало порывнымъ вѣтромъ, которой опрокинулъ почти на́-бокъ карабль, сбросило ея въ море. Ночь была весьма темна, по чему паденія Принцессы не усмотрѣли, а слышали только, что нѣчто въ море упало; и кормщикъ думая, что конечно вѣтромъ сбросило

сбросило какого матроза, тотчасъ опустилъ на-воду нѣсколько досокъ, изъ которыхъ за одну по щастію ухватилась Принцесса. Такимъ образомъ билась она между смертію и животомъ до самаго разсвѣта, и будучи усмотрѣна малымъ судномъ, пріѣхали къ ней на помощь. Хозяинъ сего судна торговалъ невольницами; онъ примѣтилъ въ Гюльгюли-Шемамѣ, хотя въ полумертвой, довольно красоты, и надѣясь получить себѣ за нея хорошей барышъ, прилагалъ о ней всевозможное стараніе. Пріѣхавши въ первую пристань къ столицѣ Кюзегскаго царства, продалъ ея за восемь сотъ золотыхъ чекиновъ Принцессѣ Гюльпенеѣ. Вотъ, милостивѣйшій государь, продолжалъ Абюбекеровъ сынъ, всѣ похожденія прекрасной Гюльгюли Шемаме: что же принадлежитъ до

жизни морскаго разбойника, то позвольте отложить оную на нѣсколько дней, и чтобъ пользуясь оставшимъ сего дня временемъ, на́чалъ я страннѣйшую по́вѣсть, въ которой одинъ только нечаянной случай дѣлаетъ, по моему мнѣнію, столь забавное происшествіе, что, я надѣюсь, вашему величеству оное понравится. Съ великою охотою, любезной мой Бенъ-Эридунъ, ты меня одолжишь несказанно. Новой Визирь начавъ свою рѣчь, говорилъ слѣдующими словами.

ПО́ВѢСТЬ

О Алкузѣ, о Тагерѣ и объ одномъ мѣльникѣ.

Два молодые Багдадскіе купцы съ самаго еще малолѣтства такую между собою возъимѣли неразрывную

рывную дружбу, что всегда были неразлучно, ни о чемъ иномъ больше не говорили, какъ о тѣсной дружбѣ Алкуза и Тагера. Не имѣя же они у себя оба ни отцовъ, ни матерей, вздумали для большаго еще союза сдѣлать между собою общей торгъ, отъ котораго меньше трехъ лѣтъ получили они весьма знатной прибытокъ.

Тагеръ разговаривая однимъ вечеромъ съ Алкузомъ, видя его въ задумчивости: чего не достаетъ къ нашему благополучію, говорилъ онъ ему, капиталъ намъ умножился вчетверо: магазейны наши наполнены лучшими товарами: а между тѣмъ нѣсколько дней вижу я тебя печальнаго, и что ты ищешь только уединенія: развѣ ужѐ я болѣе недостоинъ знать ваши тайности? Ахъ, любезной мой

Тагеръ, отвѣчалъ Алкузъ, обнявъ его, я не могу безъ стыда признать тебѣ мою слабость, и хочу оную скрывать отъ самаго себя: однако чувствую, что оная чрезмѣрно моимъ сердцемъ овладѣла, и что я самъ въ себѣ больше не воленъ: знаешь ли ты цырюльника (*) Беглула, которой живетъ по конецъ моста Багдадскаго? Знаю, отвѣчалъ Тагеръ, онъ еще больше извѣстнѣе, по тому что, сказываютъ, у него дочь прекраснѣйшая изъ всего Багдада дѣвица, и что прозвали его такъ за остроумныя и скорыя шутки: и я видя твои вздохи, начинаю догадываться, что тебя нѣсколько трогаютъ прелести сей любезной дѣвицы. Ты справедливо отгадываешь, отвѣчалъ Алкузъ, закраснѣвшись: я люблю прекрасную Лиру, и люблю толь стра-

стно,

*) Беглулъ на Арапскомъ значитъ шутникъ.

стно, что надѣюся сойти съ ума, естьли ея не получу: я примѣтилъ изъ нѣкоторыхъ съ нею разговоровъ, что и я ей непротивенъ, и сомнѣвался сказать тебѣ о моей любви, опасаясь, чтобъ сія вѣдомость не уменьшила твоей ко мнѣ любви. Я знаю, отвѣчалъ Тагеръ, женясь, теряютъ больше половины друга: но, любезной мой Алкузъ, я предпочитаю твое удовольствіе моему собственному, и съ сего же часа хочу стараться о совершеніи твоего благополучія: мать моя, какъ вы знаете, имѣла честь быть кормилицею Жіафара, Верьховнаго Визиря Великаго Гарунъ-Аррешида, самодержавнаго правителя правовѣрныхъ. Въ то время, какъ мать его будучи въ болѣзни, не въ состояніи была кормить его своею грудью, я попрошу, чтобъ онъ поговорилъ о томъ Беглулу,

и увѣренъ конечно, что прекрасную Лиру вамъ не откажутъ.

ПЯТИДЕСЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Алкузъ съ радости обнялъ своего друга, прося его тѣмъ не замедлить; и какъ вмѣшался въ сіе дѣло Жіафаръ, то Беглулъ тотчасъ выдалъ за Алкуза свою дочь.

Сіи два супруга любили другъ друга съ безпримѣрною горячностію; владѣніе не утушило ихъ пламени; и они оказывали толь чувствительные и толь частые знаки совершенной дружбы и въ самомъ присудствіи Тагера, что онъ не могъ взирать на благополучіе своего друга безъ зависти. Непорочныя ласки, которыя часто дѣлала ему Лира, такъ

такъ его возпламенили, что онъ, дабы не сделаться невѣрнымъ Алкузу, возамѣрился удалиться отъ сихъ щастливыхъ супруговъ. Онъ исполнялъ чрезъ нѣсколько дней сіе намѣреніе подъ разными причинами: но сколь онъ самъ себя ни старался преодолѣть, однако не могъ долго остаться при семъ предпріятіи: желая переломить себя въ упушеніи своей любви, онъ занемогъ отъ того весьма опасно.

Алкузъ и Лира не отходили отъ постѣли Тагера: но не только чтобъ чрезъ то способствовать его выздоровленію, но еще больше болѣзнь его умножили, которая до такой крайности его довела, что искуснѣйшіе на Багдадѣ Доктора̀ отчаялись о его жизни: Алкузъ и Лира плакали неутѣшно, видя Тагера при смерти. Между тѣмъ

моло-

молодые лѣта и крѣпкое его сложеніе избавили отъ опасности, и онъ только лишь чрезвычайно слабъ былъ.

Сіи два совершенные пріятели продолжали общей свой торгъ безпрерывно, и какъ дѣла ихъ требовали, чтобъ одному изъ нихъ ѣхать въ великой Каиръ; а Тагеръ по своей слабости не въ состояніи былъ онаго пути снести, то вознамѣрился ѣхать туда Алкузъ. Пріуготовивъ все нужное къ своему отъѣзду, простился онъ съ Тагеромъ, препоручивъ ему драгую свою Лиру, которую обнималъ онъ съ горячностію, заливаясь весь слезами, и наконецъ поѣхалъ въ Балзору, гдѣ сѣлъ на корабль, отправляющейся въ Каиръ.

Тагеръ не только чтобъ послѣдовать намѣреніямъ своего друга, но

но какъ скоро лишь онъ уѣхал изъ Багдада, то онъ всячески старался убѣгать случаевъ быть наединѣ съ Лирою: онъ всегда находилъ къ тому какую нибудь худую причину: но сія молодая красота примѣтивъ наконецъ его поступки, которыя казались ей грубыми, ты меня, Тагеръ, убѣгаешъ, сказала она ему въ одинъ вечеръ, пожавъ у него руку, и съ самаго Алкузова отъѣзда я всячески присматривала, чтобъ догадаться, отъ чего имѣла я нещастіе васъ прогнѣвать: однако не могла найти причины вашей холодности: и сей поступокъ столь мнѣ прискорбенъ, что я покорно васъ прошу оной перемѣнить, или мнѣ сказать, въ чемъ я противъ васъ виновата.

Тагеръ былъ въ чрезвычайномъ смущеніи: слёзы, текущія изъ глазъ его

его ручьями, не смѣвъ взглянуть на Лиру, тронули ея весьма чувствительно. Она принуждала его изъясниться; но Тагеръ бросясь къ ея ногамъ, просилъ въ томъ его не неволить. Не требуйте отъ меня, государыня моя, сказалъ онъ ей, чтобъ я открылъ вамъ мое сердце: вы бы меня почли за послѣднѣйшаго человѣка, естьлибъ я вамъ открылъ то, что въ немъ происходитъ наисвятѣйшее дружество, и самое приближенiе къ смерти не могли истребить пагубной страсти, и я чувствую что ... Постой, Тагеръ, вскричала Лира въ крайнемъ смущенiи, я начинаю тебя понимать: какъ! возможно ли тому статься, чтобъ позабывъ все то, чѣмъ долженъ ты моему мужу, заразился ты любовiю, повреждающею мою честь и славу? Ахъ! когда такъ, сдѣлай,

лай, чтобЪ я про то не знала во всю мою жизнь. НѣтЪ, милостивая государыня, отвѣчалЪ ТагерЪ, теперь ужѐ поздо притворяться: я невѣрной, я измѣнникЪ, но все противЪ моей воли: я всячески старался угасить сіе недостойное пламя, хотѣлЪ умереть: но злая смерть ко мнѣ не пришла: я желалЪ было оную оставить вЪ вѣчномЪ молчаніи: вы принудили меня говорить: но я скоро самЪ себя накажу за нарушеніе правЪ толь тѣснаго дружества. ТагерЪ взглянувЪ вЪ сіе время на Лиру, и видя ея чрезвычайно раздраженною, такою обЪятЪ былЪ жестокою печаліею, что упалЪ кЪ ея ногамЪ, какЪ мертвой. Она нѣсколько времени сомнѣвалась подать ему помощь: но напослѣдокЪ жалость преодолѣла справедливое ея возчувствованіе: она всячески старалась привести его вЪ память,

била

била ему въ руки: и сей нещастной любовникъ не много открывъ умирающіе свои глаза, и увидя Лиру, трудящуюся около его, оставьте меня умереть, государыня моя, сказалъ онъ ей жалостнымъ голосомъ, помощь ваша мнѣ весьма не сносна: заслуживъ вашего негодованія, жизнь мнѣ сдѣлалась ненавистною: и я оную оставляю безпечально. Потомъ опять онъ пришелъ въ такое состояніе, что Лира думала быть его при самой кончинѣ.

До сего, милостивѣйшій государь, продолжалъ Бенъ-Эридунъ, я вамъ весьма изрядно описывалъ Лиру: но случается иногда, что на добродѣтель нѣкоторыхъ женщинъ находятъ опасные часы. Лира скоро видѣла сію правду надъ собою: испугавшись Тагерова намѣренія

ренія, и умягчась чрезвычайною его любовію, вдругъ жестокой свой гнѣвъ обратила на горячнѣйшую любовь: что сдѣлалъ равномѣрнаго для меня Алкузъ, думала она тогда? Онъ меня въ разсужденіи Тагера всегда любилъ посредственно, потому что для малаго прибытку, безъ котораго бъ онъ легко обойтись могъ, покинулъ меня, и самъ поѣхалъ въ путь, откуда, можетъ быть, и чрезъ годъ не возвратится: конечно, любезной мой Тагеръ, я хочу жить и умереть для тебя: для того что ты за меня хотѣлъ было умереть: я посвящаю тебѣ безъ затрудненія всю горячность мою, которую имѣла я къ Алкузу, и которой онъ столь мало достоинъ: живи же, дорогой мой любовникъ, и живи для Лиры. Сія прекрасная особа присовокупила къ своимъ словамъ толь чувстви-

тельныя

тельныя ласки, что оныя тотчасъ привели Тагера въ память. Чрезвычайное его изумленіе, видя себя въ рукахъ Лиры, которая осыпала его знаками жесточайшей своей страсти, скоро возвратило ему дѣйствіе чувствъ: онъ не почелъ за нужно пропустить толь удобной случай къ его любви, и позабывъ все то, чѣмъ онъ долженъ былъ своему другу: онъ столь хорошо умѣлъ пользоваться слабостію прекрасной Лиры, что остался совершеннымъ ея побѣдителемъ.

Между тѣмъ не безъ угрызенія нѣкотораго своей совѣсти, усмотрѣла Лира, что можно уже больше было ни въ чѣмъ отказать своему любовнику: но сіи разсужденія выгнала она изъ своей мысли поступками толь нѣжными и почтительными, что она и не помнила

мнила больше объ Алкузѣ, чтобъ онъ былъ ея мужъ.

Упражняясь единственно въ своей любви сіи два любовника, препроводили близъ года въ веселостяхъ всегда почти новыхъ: не довольствуясь тѣмъ, чтобъ видѣться ежечасно, изъясняли они еще свою любовь страстнѣйшими письмами, и потерявъ изъ памяти одинъ своего пріятеля, другая своего супруга, не воображали они себѣ того, чтобъ онъ когда либо изъ Каира возвратился.

ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Алкузъ хотя и не ожидаемъ будучи, пріѣхалъ однако въ Багдадъ, окончивъ свои въ Каирѣ дѣ-

ла. Хотя присудствіе его не весьма желательноб было; но приняли его со всякою притворною ласкою. По долговременномъ отсутствіи жена его показалась ему несравненно прелестнѣе прежняго; онъ не могъ ни одной минуты пропустить, не оказывая какого либо знака своей любви, и не только ни малѣйшаго не имѣлъ подозрѣнія о ея невѣрности, но и самъ весьма часто подавалъ ей случай быть наединѣ съ Тагеромъ.

Въ одинъ вечеръ Лира чувствуя великую болѣзнь въ головѣ, сидѣла на своей софѣ; ей понадобилась одна вода, которая чрезвычайно полезна для такихъ припадковъ: въ болѣзни же своей отдала она безъ разсужденія Алкузу ключь отъ маленькаго сандальнаго ларчика, въ которомъ лежала скляночка съ

тою водою. Алкузъ, любя чрезвычайно свою жену, побѣжалъ въ сей кабинетъ; но какъ лишъ скоро изъ комнаты онъ вышелъ, то Тагеръ весьма удивился, видя, что Лира драла у себя волосы: ахъ! мы пропали, сказала она ему, душа моей жизни, неразуміе мое совершитъ всѣ наши нещастія: я отдала моему мужу ключь отъ ларчика, гдѣ лежатъ всѣ письма, въ которыхъ ты изображалъ столь живо твою страсть. Алкузъ въ ярости своей не пощадитъ ни своей жены, ни своего друга.

Тагеръ крайнѣ о томъ запечалился, но выдумавъ тотчасъ средство, какъ человѣкъ разумной, онъ побѣжалъ за Алкузомъ, и видя въ дверь, которая была не дотворена, что онъ читалъ съ удивленіемъ одно изъ его писемъ, тихонько дверь

притворилЪ, и заперевЪ тамЪ Алкуза двойнымЪ замкомЪ, унесЪ ключь сЪ собою, такЪ что его другЪ будучи вЪ изумленіи о невѣрности своей жены, то и не примѣтилЪ. ТагерЪ пошелЪ тотчасЪ потомЪ вЪ кладовую палату, забралЪ все найденное тамЪ золото, и взявши сЪ собою Лиру, вышелЪ немедленно изЪ Багдада, и купивЪ вЪ первой деревнѣ двухЪ хорошихЪ лошадей, переѣхалЪ вЪ тотЪ день и послѣдующую ночь больше дватцати миль.

Между тѣмЪ, какЪ сіи новые путешественники были уже вЪ дорогѣ, АлкузЪ прочитавши Тагеровы письма, которыя очевидно доказывали ему его нещастіе, взялЪ кинжалЪ, и хотѣвЪ итти, чтобЪ пронзить онымЪ сердце своей жены, крайнѣ удивился, увидя себя

запер-

запертымЪ: онЪ кричалЪ своихЪ слугЪ, по чему пришли кЪ двери, у которой ключа не было, и Алкузъ вЪ своемЪ сердцѣ приказавЪ оную выломить, тотчасЪ послѣ того побѣжалЪ вЪ залЪ, гдѣ оставилЪ онЪ Лиру, однако не нашелЪ онЪ тамЪ ни ея ни Тагера. Ему сказали, что они вышли вмѣстѣ вЪ великомЪ безпорядкѣ; онЪ сошелЪ вЪ кладовую палату, и видя оную очищену, бросился брюхомЪ на землю, и ужаснымЪ своимЪ крикомЪ перепугалЪ всѣхЪ своихЪ домашнихЪ. Ни одинЪ изЪ его невольниковЪ не отважился спросить о причинѣ такой его ярости, но опомнившись отЪ первыхЪ своихЪ движенiй, разослалЪ онЪ ихЪ всѣхЪ кЪ своему дѣлу. Сколь бы велико нещастiе мое ни было, думалЪ онЪ тогда, однако должно вЪ толь важномЪ случаѣ поступить искусно

ено, и не надлежитъ подавать другимъ причины къ смѣху: я обманутъ моимъ другомъ: жена мнѣ дѣлалась невѣрною: сей ударъ, это правда, чувствителенъ, но долженъ ли я за ихъ преступленіе казнь нести? Никакъ, имъ только надлежитъ стонать, и умереть со стыда отъ своей невѣрности: теперешней мой уронъ не столь великъ, чтобъ могъ болѣе тревожить мое спокойствіе. Тогда позабывъ вдругъ о Тагерѣ, онъ столько ихъ презиралъ, что не почелъ за нужно и въ погóню за ними посылать; и оставя ихъ своей судьбинѣ, упражнялся въ своихъ дѣлахъ совсѣмъ по прежнему, и старался, лишившись своей жены, забавляться съ чужими.

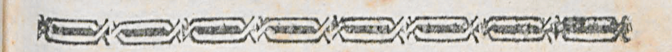
Шесть мѣсяцовъ ужѐ минуло послѣ отъѣзда Тагера и Лиры, какъ

какѣ Алкузѣ увѣдомился о смерти одного своего повѣреннаго вѣ восточной Индiи. Какѣ сей человѣкѣ былѣ ему много долженѣ, и что онѣ сѣ нимѣ не сдѣлалѣ никакого счета, то вознамѣрился ѣхать туда для исправленiя своихѣ дѣлѣ сѣ наслѣдниками покойнаго, и поручивѣ смотрѣнiе своего дома одному племяннику, на котораго много онѣ надѣялся, поѣхалѣ вѣ Балзору на кораблѣ, нагрузивѣ оной многими товарами. Приставая кѣ разнымѣ островамѣ, гдѣ Алкузѣ получалѣ знатной барышѣ, а особливо на брилiантахѣ, которые имѣлѣ онѣ всегда вѣ кошелькѣ, привязанномѣ кѣ своему поясу. Корабль захватила вдругѣ такая жестокая буря, что бившись долгое время противѣ стремленiя волнѣ и вѣтра, поглощенѣ былѣ моремѣ.

Алкузъ по щастію ухватился за одну доску, и плавая долгое время по волнамъ, выкинуло его чрезъ двои сутки на одинъ островъ, которой ему казался быть пустымъ. Какъ весьма мучилъ его голодъ, то утолилъ онъ нѣкоторыми плодами, произращенными въ сихъ мѣстахъ одною натурою; оные показались ему чрезвычайнаго вкуса, и идучи чрезъ девять дней, не находя никакого жила, пришелъ онъ на десятой день къ одной рѣкѣ, чрезъ которую переправился вплавь, и вышелъ на прекрасной лугъ, которой довелъ его къ презрядному городу, называемому Брава.

Алкузъ былъ въ толь худомъ состояніи, что не хотѣлъ войти въ городъ прежде ночи, которая бы могла его прикрыть отъ народнаго посмѣшища. Поѣвши нѣсколько оставшихся

шихся еще у него плодовЪ, и не наслаждаясь чрезЪ долгое ужѐ время пріятнымЪ сномЪ, онЪ на холодку уснулЪ весьма сладко, и спалЪ весьма крѣпко до самой ночи, какЪ вдругЪ онЪ пробудился.

ПЯТЬДЕСЯТЪ ВТОРАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Пламень, раззоряющей весьма изрядной загородной домЪ, такЪ Алкузу вЪ глазà освѣтилЪ, что тѣмЪ сонЪ его прервался: онЪ туда побѣжалЪ вЪ намѣреніи подáть какую либо пóмощь, и услыша ужасной вопль, схватилЪ онЪ случившейся на то время предЪ симЪ домомЪ большой колЪ, выломалЪ тѣмЪ сѣнную дверь, и другія двѣ вЪ покои, гдѣ онЪ слышать могЪ женской голосЪ: онЪ былЪ столько щастливЪ, что

избавилЪ ихЪ отЪ огня. Каждая изЪ нихЪ спасала себя бѣгомЪ, не поблагодаривЪ почти своего избавителя; и АлкузЪ пробравшись еще до маленькаго кабинета, у котораго дверь онЪ сломилЪ сЪ петель, нашелЪ онЪ тамЪ обгорѣлую до половины старую одну женщину и другую молодую почти нагую, и только что безЪ памяти, но красоты безпримѣрной; онЪ взялЪ ея на свои руки, и вынесЪ ея вЪ такомЪ состоянiи на то самое мѣсто, гдѣ онЪ спалЪ.

Сiя молодая дѣвица, которая было отЪ дыму задохнулась, какЪ скоро почувствовала воздухЪ, тотчасЪ опамятовалась. Нáчало ужѐ развѣтать, и она удивилась, видя себя нá-полѣ; но увѣдомясь отЪ Алкуза о учиненномЪ ей отЪ него одолженiи, не столько она стыдилась

лась быть съ нимъ, и начала его почитать за такого человѣка, которому долженствовала она жизнїю. Она ему расказала, что ея зовутъ Салле, что отецъ ея, которой умеръ назадъ тому три года, былъ богатой купецъ, торгующїй драгоцѣнными каменьями, и что она жила съ своею матерью и съ нѣсколько рабами въ семъ домѣ, какъ оной пожаръ сдѣлался. Потомъ оказывала она безпокойство о невѣденїи своей матери, но услыша отъ него, что въ томъ же кабинетѣ, откуда онъ спасъ ея отъ огня, нашелъ обгорѣлое тѣло одной старой женщины, не сомнѣвалась она больше о смерти ея, и вдалась въ жесточайшую печаль.

Алкузъ, сколько возможно было, утѣшалъ прекрасную сїю особу; онъ пошелъ съ нею въ ихъ домъ

которой нашли они обращенной весь въ пепелъ. И какъ при печальномъ такомъ позорищѣ, которое довело Саллу до крайней бѣдности: слезы ея умножились, то Алкузъ начиная къ ней чувствовать жесточайшую страсть, оттащилъ ея отъ такого печальнаго мѣста, и ввелъ въ городъ Браву, гдѣ продавши одинъ брилiантъ, накупилъ онъ тотчасъ для себя и для нея платья; и нанявъ домъ со всѣми уборами, привелъ туда новую свою любовницу, и нѣсколько дней спустя, наградилъ претерпѣнной ею уронъ, купивъ на ея имя тотъ домъ, въ которомъ она жила, и давъ ей для услуженiя молодую невольницу.

Алкузъ, милостивѣйшiй государь, былъ собою весьма пригожъ: онъ спасъ Саллину жизнь, и жилъ

съ нею толь учтиво и униженно, что она тотчасъ за оное его возблагодарила. Онъ препроводилъ нѣсколько мѣсяцовъ съ прекрасною сею дѣвицею въ пріятнѣйшихъ и сладчайшихъ веселостяхъ, и услышалъ отъ нея съ крайнею радостію, что она чувствовала въ себѣ знаки его горячности.

Никогда Алкузъ столь благополучнымъ еще себя не видалъ: ласки любовницы весьма различны отъ ласкъ жены: и Салле оказывала ему ежечасно толь сильные знаки своей любви, что онъ имѣлъ причину почитать себя любимѣйшимъ изъ всѣхъ человѣкъ; но сколько онъ къ сей красавицѣ страстенъ ни былъ, Лирина съ нимъ поступка научила его сомнѣваться о всѣхъ женщинахъ, то онъ столь прилѣжно примѣчалъ за всѣми ея

дѣлами, что напослѣдокъ усмотрѣлъ нѣкотурую въ ней склонность къ одному молодому Бравскому жителю, которой часто прохаживалъ по его улицѣ, и что всегда она на него пристально глядѣла. Сколько ему то досадно ни было, однако ничего онъ о томъ не объявлялъ своей любовницѣ: но въ одинъ вечеръ какъ сей молодой человѣкъ, гораздо обыкновеннаго неосторожнѣе, остановился противъ Саллиныхъ воро́тъ, которая глядя изъ окошка съ превеликимъ удовольствіемъ, взирала на его тѣло движенія, изъявляющія страсть его къ ней, то Алкузъ не удержавъ своего гнѣва, вышелъ поспѣшно на улицу, и подошедъ невзначай къ сему простаку, такую влѣпилъ ему пощочину, что сшибъ его съ ногъ. Молодой человѣкъ удивляясь тому, всталъ тотчасъ съ землй, обна-

жилъ

жилъ свою саблю, и бросился на Алкуза, какъ бѣшеной; но сей последней будучи гораздо его сильняе и проворнѣе, двумя ударами сабли приведя не въ состоянiе своего непрiятеля долѣе биться, оставилъ его плавающаго въ своей крови.

Салле, видя новаго своего любовника совсѣмъ окровавленнаго, преужасной распустила вопль, на которой сошлись на улицѣ сосѣди. Какъ для Алкуза опасно было долѣе оставаться въ Бравѣ, то онъ вздумалъ спасаться бѣгомъ, и по многимъ переулкамъ вышелъ къ городскимъ воротамъ. Тутъ онъ нѣсколько остановился; но услыша, что тотъ, котораго онъ ранилъ, а можетъ быть и умертвилъ, былъ молодой человѣкъ знатнаго рода, не разсудилъ онъ за благо опять входить въ городъ. Онъ имѣлъ

при себѣ, кромѣ наибольшей половины своихъ каменьевъ, полной кошелекъ золота; шелъ всю ночь и нѣсколько дней сряду даже до того, какъ пришелъ въ городъ Барабоу, тамъ поѣхалъ онъ судномъ по рѣкѣ Гвилмаикѣ, и пробрався на восточной Океанъ, поѣхалъ къ Индіи. Туда прибылъ онъ безъ всякаго приключенія, и сдѣлавши свой щетъ съ наслѣдниками своего повѣреннаго, закупилъ тамъ множество перцу, корицы и агата, на чемъ могъ онъ получить барыша сто на́ сто. Пото́мъ опять пустившись моремъ, возвратился онъ благополучно въ Балзору, откуда отправилъ сухимъ путемъ свои товары въ Багдадъ, а самъ остался на нѣсколько времени въ Балзорѣ, для отдохновенія отъ претерпѣнныхъ въ дорогѣ трудовъ.

Про-

Прогуливаясь въ одинъ день за городскими воротами, увидѣлъ онъ у мѣльницы толь пригожую мѣльникову жену, что страстно въ нея влюбился. Онъ подошелъ къ ней безъ дальнихъ околичностей, и объявилъ ей свою любовь, надѣвъ ей притомъ на палецъ преизрядной перстень, увидѣлъ ея склонною на его желанія: приходи сюда подъ вечеръ, сказала она ему, мужъ мой отлучился на три или четыре дни, которые мы пріятно можемъ препроводить вмѣстѣ: я приготовлю все, что надобно къ ужину.

Алкузъ возвратился въ свою квартиру, вымылся, перемѣнилъ платье, и пошелъ по захожденіи солнца къ прекрасной мѣльничихѣ: она равномѣрножъ прибралась почище, и приняла его съ великою пріятностію. Наконецъ, милости-

вѣйшій

вѣйшій государь, препроводили они вмѣстѣ большую ужѐ половину ночи, какъ вдругъ дверь въ мѣльницѣ растворилась, и они увидѣли вошедшаго въ избу человѣка въ купеческомъ платьѣ. Мѣльничиха, на которую Алкузъ глядѣлъ съ удивленіемъ, вся поблѣднѣла, она подошла къ новоприхожему, и хотѣла предъ нимъ извиняться, какъ получила отъ него пощочицу и множество бранныхъ словъ.

ПЯТЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Алкузъ оскорбясь невѣжествомъ сего человѣка, схватилъ его за̀-воротъ: какъ ни у того ни у другаго не случилось на то время оружія, то сраженіе ихъ происходило только на кулакахъ; но какъ мѣль-

мѣльничиха бросилась ихъ разнимать, то въ какомъ удивленіи стали сражающіеся, когда поглядя другъ на друга попристальнѣе, они между собою узнали одинъ Тагера, а другой Алкуза. Сей послѣдней не владѣя больше своею яростію, увидя своего непріятеля, и вспомнивъ въ то время его измѣнничество, схватилъ вдругъ скамью, и хотѣлъ Тагеру разшибить голову, какъ онъ бросясь къ Алкузу въ ноги, братецъ, государь мой, сказалъ ему съ униженностію, я виноватъ въ пребеззаконномъ обманѣ: я достоинъ смерти, похитивъ у васъ сердце Лирино: но когдабъ вы знали, сколько я претерпѣлъ послѣ моего отсудствія, и какимъ мучимъ былъ угрызеніемъ, то бы конечно вы мнѣ простили преступленіе, учиненное сверьхъ моей воли.

Тагеръ такъ сильно тогда плакалъ, что Алкузъ на него сжалился. Какъ онъ думалъ позабыть совсѣмъ о Лирѣ, то бросился къ своему другу на шею: я тебѣ прощаю, Тагеръ, сказалъ онъ ему: сколько бы ни имѣлъ я причины тебя ненавидѣть, однако не хочу, чтобъ говорили, чтобъ женщина могла разорвать толь тѣсную дружбу, какая толь долгое время пребывала между нами: но скажи мнѣ пожалуй, гдѣ нынѣ Лира. Ахъ, покорно васъ прошу, отвѣчалъ Тагеръ, обнявъ своего друга, не упоминать больше о такой особѣ, которая, можетъ быть, еще вамъ мила. Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ Алкузъ, Лира меня не трогаетъ больше: невѣрность ея совсѣмъ истребила ея изъ моего сердца: и для доказанія тебѣ, что я объ ней не думаю, сядемъ за столъ съ сею мѣльничихою, въ которой, какъ

какъ я вижу, мы оба участники: будемъ ея любить оба вмѣстѣ, и выпьемъ про здоровье ея мужа. Мѣльничиха тотчасъ налила имъ пить, и по возстановленіи въ мѣльницѣ мира, сѣли они всѣ трое за столъ, и съ рюмкою въ рукахъ Алкузъ и Тагеръ клялись вѣчною дружбою.

Послѣ того, какъ вино нѣсколько порозгорячило, мѣльничиха завела разговоръ: естьли Алкузъ не очень любопытенъ знать, сказала она Тагеру, что происходило между его женою и тобой, и о томъ гдѣ она нынѣ, то я тебя прошу немедленно мнѣ о томъ раскавать: я увѣрена, что онъ тебя будетъ слушать спокойно: а я съ моей стороны буду тобою крайнѣ одолжена, что ты подрудишся сдѣлать мнѣ это удовольствіе. Тагеръ сомнѣвался удовольствовать мѣльничиху;

но

но какъ обнадежилъ его Алкузъ, что Лира ему столько ненужна, что онъ при расказываніи о ея невѣрности не примѣтитъ на лицѣ его никакой перемѣны, и что онъ совершенно забылъ прежнюю свою къ ней страсть, то Тагеръ началъ говорить слѣдующее:

Я упомяну слегка, любезной мой братъ, о моей къ Лирѣ любви: начало сей страсти было для меня весьма печально, потому что оно доводило меня почти до гроба, и я желалъ лучше умереть, нежели измѣнить своего друга: но я самъ надъ собою не господинъ былъ: прекрасная Лира торжествовала принятымъ мною намѣреніемъ, и ея неосторожность, повѣривъ вамъ отъ ларчика ключь, гдѣ были мои письма, принудила меня убѣжать съ нею для спасенія себя отъ справедливаго вашего мщенія.

Хотя

Хотя мой духъ часто тревожился о моей противъ васъ невѣрности; однако я надѣялся щастливъ быть съ Лирою; между тѣмъ я не довольно еще вызналъ нравъ сей женщины. Какую страшную любовь она мнѣ ни оказывала; но я скоро примѣтилъ, что во всѣхъ ея поступкахъ былъ духъ вѣтрености и щегольства, и что вездѣ, гдѣ мы ни проѣжжали, старалась единственно о томъ, что какъ бы кому понравиться. Я многократно ей о томъ говаривалъ; однако она почти не удостоивала меня и слушать: Тагеръ, говорила она мнѣ, смѣючись, ты очень вздумалъ не къ стати ревновать, можешь ли ты сомнѣваться о моей любви послѣ того, что я для тебя сдѣлала? Перестань, мой дружокъ, я тебя одного люблю, спи съ покоемъ, и не докучай мнѣ несносными подозрѣніями.

Сіи

Сіи слова не только меня не увѣряли, но еще наичувствительнѣйше раздражали: между тѣмъ я сносилъ терпѣливно: но проѣхавъ разные города, прибылъ я наконецъ въ Визапуръ, и вздумалъ тутъ основать себѣ жилище. Я нанялъ у Жида преизрядной домъ со всѣми уборами, и на весьма веселой улицѣ, но при наймѣ не примѣтилъ я, что у меня былъ весьма опасной сосѣдъ, одинъ молодой Индѣецъ, прекрасной какъ Купидонъ, жилъ обо дворъ со мною. Я осторожно присматривалъ за нимъ и за Лирою, ничего однако не открывъ, и думалъ не имѣть причины подозрѣнія въ ихъ поведеніи. Какъ въ одинъ вечеръ вошедъ совсѣмъ нечаянно въ залъ, гдѣ обыкновенно Лира сиживала днемъ, я крайнѣ удивился, видя одного человѣка, которой спрятался за коверъ, повѣшенной

шенной на стѣнѣ, и хотѣлъ уйти въ дверцы, которыя нарочно были тутъ сдѣланы для проходу изъ сосѣдняго дома.

ПЯТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Я побѣжалъ за симъ человѣкомъ, схватилъ его за́-ногу, и вытащилъ въ залъ, и узналъ въ немъ того молодаго Индѣйца, которой столько меня прежде обезпокоивалъ. Я схватилъ тогда Лиру другою рукою, и выговоривъ ей за ея невѣрность самыми суровыми словами, приуготовлялся было наказать сего молодаго человѣка за учиненную мнѣ обиду, какъ Лира бросилась передъ меня: постой, Тагеръ, сказала она мнѣ съ гордостію, опомнись лучше, и разсуди, что

ты

ты самъ по крайней мѣрѣ достоинъ такого же наказанія, какъ сей Индѣецъ, и почитай въ немъ человѣка, котораго я люблю: какое имѣешь ты право указывать мнѣ въ моихъ дѣлахъ? Что, я развѣ твоя жена, или твоя невольница? И можешь ли ты надеяться, чтобъ въ такомъ состояніи, въ какомъ я съ тобою, была я тебѣ вѣрнѣе, нежели какъ моему мужу? Естьли ты такъ думаешь, то ошибаешся: я тебя любила, а теперь больше не люблю: склонностей принудить не можно, и мое сердце принадлежитъ теперь новому сему любовнику, пока мнѣ угодно будетъ отдать оное другому.

Безстыдство Лирино привело меня въ удивленіе несказанное: я былъ неподвиженъ: а молодой Индѣецъ пользуясь симъ временемъ, ушелъ

ушелъ въ прорубленную на стѣнѣ дыру, которую онъ тотчасъ опять заслонилъ нѣсколько досками, и не могъ ничего выговорить; но потомъ одумавшись, Лира, сказалъ я ей весьма спокойнымъ лицемъ, я не думалъ было быть въ тебѣ такой худой совѣсти: но когда ты оную совершенно сама открыла, то пресѣчемъ все наше обхожденіе, раздѣлимъ всѣ деньги пополамъ, и разлучимся на вѣки.

Лира съ радостію приняла сіе предложеніе: у меня было еще около семи тысячь чекиновъ, я далъ ей изъ того половину, и разошедшись съ ней безпечально, выѣхалъ я изъ Визапура увѣренъ будучи о худой совѣсти и невѣрности всѣхъ женщинъ, и вознамѣрился всегда ихъ презирать. Я сѣлъ въ первой морской пристани на одно судно,

идущее въ Аравію, мы прибыли въ Браву, гдѣ только лишъ я вышелъ на-берегъ, то тотчасъ пошелъ въ лавку къ портному, чтобъ одѣться почище. Я сторговалъ у него цѣлую пару, и заплативъ за оную ему деньги, вышедши отъ него, увидѣлъ на другой сторонѣ улицы двухъ женщинъ въ покрывалахъ, сидѣвшихъ на каменной лавочкѣ: одна изъ сихъ женщинъ казалась быть въ обморокѣ, а другая весьма старалась ей подáть пóмощь. Я тотчасъ представилъ имъ мои услуги: они то приняли, и взявъ пóдъ-руку ту, которая видѣлась быть больнà, пособилъ я невольницѣ отвести ея домой. Мы вошли въ маленькой домикъ, весьма чисто убранной, и въ которомъ, казалось, все нужно было для простаго мѣщанина: мы положили сію госпожу на софу, и какъ ея невольница сняла

ла съ нея покрывало для свободнаго воздуха, что я тогда сталъ, любезной мой Алкузъ, увидя наипрекраснѣйшее въ свѣтѣ лице. Я столько имъ ослѣпленъ былъ, что всѣ мои намѣренія, чтобъ никогда съ женщинами не вступать въ сообщество, во мгновеніе ока изчезли. Я любилъ безъ ума сію молодую красоту, и всячески старался подать ей съ своей стороны какую либо помощь. Государь мой, сказала мнѣ сія красавица съ полными глазами слезъ, я лишилась въ сей часъ такого человѣка, которой вскорѣ бы совершилъ все свое благополучіе, овладѣвъ мною, естьлибъ одинъ грубіанъ при моихъ глазахъ не окончилъ толь прекрасную жизнь: у насъ положено завтрешней день быть свадьбѣ: и мой любовникъ, по своему обыкновенію, шелъ ко мнѣ для свиданія

около вечерней молитвы, какЪ одинЪ невѣрной МузулманЪ дожидаясь его за угломЪ другой улицы, далЪ ему два удара саблею, изЪ которыхЪ одинЪ повергнулЪ его на землю мертваго. Вопль мой обратилЪ вЪ бѣгство сего злодѣя: я тотчасЪ сошла на улицу, и видѣла, что несли моего любовника кЪ нему домой совсѣмЪ вЪ крови и совершенно уже мертваго. ВотЪ, государь мой, причина справедливой моей печали.

Сія молодая госпожа, продолжалЪ ТагерЪ, умножила вЪ семЪ мѣстѣ свои слёзы, и показывала во всѣхЪ своихЪ поступкахЪ такое жестокое отчаяніе, что я опасался о ея жизни. Я отЪ нея не отходилЪ: ея положили на постѣлю: и невольница и я остались при ней, и препроводили всю ночь для утѣшенія

шенія ея. На другой день казалась она быть нѣсколько спокойнѣе, благодарила меня за мои старанія, и поглядѣвъ пристально на меня, пролила вновь источникъ слезъ: я удивился, видя новую сію печаль, и спрашивалъ у нея съ почтеніемъ о причинѣ тому. Ахъ! государь мой, сказала она мнѣ, прерывая всхлипываньемъ всѣ свои слова̀, чѣмъ больше я на васъ гляжу, тѣмъ больше чувствую умножатьcя моей печали: лице ваше столь сходно на моего любовника, что я не могу на васъ глядѣть безъ жалости, вспомня то, какого я невозвратнаго сокровища лишилась.

Я пользовался симъ сходствомъ, продолжалъ Тагеръ, и столько предуспѣлъ въ томъ моими стараніями, что она начала̀ умершаго забывать.

Сколь бы ни надлежало мнѣ быть умному отъ примѣра Лирина; однако я почиталъ себя за щастливѣйшаго человѣка, естьлибъ женился на такой особѣ, которая казалась имѣть толь доброе сердце. Я о томъ говорилъ: сходство возъимѣло свое дѣйствіе: меня слушали весьма благосклонно, и напослѣдокъ сдѣлался я супругомъ сей красавицы, не воздыхая по ней болѣе осьми дней.

Никогда я еще не чувствовалъ толь совершеннаго веселія, какъ съ молодою моею женою, и для большаго удовольствія увѣдомился я отъ нея чрезъ нѣсколько дней послѣ нашей свадьбы, что она обеременѣла. Сія вѣдомость умножила мою любовь, и я находилъ ея столь превосходною въ красотѣ, и по свойству разума противъ всѣхъ дру-

другихъ женщинъ, что ежеминутно оказывалъ ей новые знаки моей горячности. Хотя жена моя соотвѣтствовала совершенно моей любви; однако примѣтилъ я въ ней задумчивость, которой не могли прогнать всѣ мои ласки: какъ оное приписывалъ я лишенію ея любовника, то объ ономъ ей не открывалъ: но не долго, любезной мой Алкузъ, скрыта отъ меня была справедливая тому причина.

Не было еще тому больше получетверта мѣсяца, что я женился, какъ пришедъ въ вечеру домой жена моя, которая за нѣсколько уже дней имѣла нѣкоторые легкіе припадки отъ своей беременности, жаловалась ужаснымъ колотьемъ: я того не догадался: что присудствіе мое ея обезпокоивало: напротивъ того видя ея болѣзнь, горячность

ность моя умножалась: и сколь прилѣжно она меня ни просила, чтобъ я вышелъ въ другую комнату; однако я не хотѣлъ ея оставить ни на одинъ часъ: любезной мой братъ, каковъ я сталъ, когда въ жестокости ея болѣзни увидѣлъ я, что она родила дочь? Я холоднѣе сталъ, нежели мраморъ: о небо! вскричалъ я, нѣсколько опамятовавшись, на то ли я только рожденъ, чтобъ мнѣ обманутымъ быть отъ всего того, что я люблю наилучше? Невѣрная Салле, продолжалъ я, оборотясь къ ней... Какъ, перервалъ Алкузъ въ семъ мѣстѣ, твоя жена называлась Салле? Такъ, любезной мой другъ, отвѣчалъ ему Тагеръ: да не жила̀ ли она въ Бравѣ, въ улицѣ обмѣнщиковъ, противъ торговки лимонами, въ маленькомъ домикѣ? Справедливо, отвѣчалъ Тагеръ, сей домъ

со

со всѣми уборами данъ ей отъ того, которой хотѣлъ было на ней жениться, и которой убитъ до смерти при ея глазахъ въ самой тотъ вечеръ, какъ я пріѣхалъ въ Браву. Услыша сіе, милостивѣйшій государь, продолжалъ Бенъ-Эридунъ, Алкузъ отъ превеликаго смѣха упалъ на́-спину, и такъ долго хохоталъ, что Тагеръ и мѣльничиха крайнѣ тому удивлялись.

ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Что тутъ столь смѣшнаго въ моей по́вѣсти? Отвѣчалъ Тагеръ, я не вижу ничего, чтобъ могло быть что радостнаго въ моей печали. Какъ, любезной мой братъ, отвѣчалъ Алкузъ, захохотавъ еще больше прежняго, сія женщина, плачущая

чущая съ такою горестію о смерти своего любовника, которая послѣ вышла за тебя за́ мужъ, и которая спустя послѣ свадьбы три мѣсяца съ половиною, толь благополучно родила въ твоихъ рукахъ, есть та Салле, живущая на улицѣ обмѣнщиковъ? О! любезной мой другъ, когда то подлинно такая странная исторія достойна предана быть потомству. Знай, бѣдной мой Тагеръ, что сія маленькая дочка, которой жена твоя хотѣла сдѣлать тебя отцомъ, есть дѣйствительно моя; что сія Салле не бывши моею женою, избавившись моимъ стараніемъ отъ огня, имѣла ко мнѣ послѣднія милости; что это я купилъ ей въ Бравѣ домъ со всѣми уборами; что по причинѣ, ревнуя къ новому ея любовнику, я его зарубилъ до смерти саблею, и что это самой я, которой принужденъ

нужденъ былъ спасаться бѣгомъ, оставивъ Салле беременну болѣе полупяти мѣсяцовъ.

Толь странное приключенiе Тагера удивило: онъ въ сей часъ вспомнилъ бывшей случай съ Лирою: такъ вотъ мы другъ съ другомъ прости, вскричалъ онъ, смѣючись изъ всей своей силы. Такъ, любезной мой братъ, отвѣчалъ Алкузъ, обнявъ его, намъ не въ чемъ больше другъ друга попрекать: мщенiе наше взаимное: однако оно совсѣмъ различное, сказала тогда мѣльничиха, ты Тагеру отмстилъ по одному только нечаянному случаю: вмѣсто того онъ тебя оскорбилъ съ умыслу. Правду сказать, отвѣчалъ Алкузъ, женщины имѣютъ весьма странное свойство: они всѣ почти во зло употребляютъ нашу къ нимъ слабость: сiи два примѣ-

ра довольно могутъ насъ разумными сдѣлать навсегда : будемъ впредь убѣгать всякаго съ ними обязательства, станемъ стараться поступать равномѣрно и мы съ глупыми мужьями, которые спокойно спятъ твердо, надѣясь на обманчивыя ласки своихъ женъ: и начнемъ включенiемъ въ число тѣхъ съ мужа прелестной сей мѣльничихи.

Сiи два друга обнявшись, потомъ опять клялись дружбою неразрывною. Напослѣдокъ Тагеръ продолжалъ свою повѣсть, и расказывалъ, что жестокая его печаль, видя себя столь немилостиво обманутымъ отъ Салле, принудила его выѣхать навсегда изъ Бравы, и не простясь съ нею, и что на которомъ суднѣ прiѣхалъ онъ около мѣсяца въ Балзеру, гдѣ слюбился онъ съ мѣльничихою, во ожиданiи

удо-

удобнаго случая примириться съ Алкузомъ.

Алкузъ и Тагеръ, забавляясь довольно смѣшными своими приключеніями, надъ которыми весьма остроумно шутила и мѣльничиха, намѣрены были препроводить пріятно остатокъ ночи, какъ мѣльникъ исправивъ свои дѣла скоряе, нежели онъ о томъ думалъ, вошелъ вдругъ въ мѣльницу.

Удивленіе было чрезвычайное со всѣхъ сторонъ: мѣльникъ видя изрядно накрытой столъ, не надѣялся было застать свою жену съ толь хорошими гостями. Между тѣмъ мѣльничиха сказывала ему, что сіи два человѣка, которыхъ захватилъ на дорогѣ дождь, просили ея о позволеніи укрыться въ мѣльницу; что она въ такой без-

дѣлицѣ имъ отказать не могла, и что дожжикъ продолжаясь безпрерывно, принудилъ ея собрать имъ ужинъ. Онъ притворился довольнымъ быть симъ извиненіемъ, хотя въ самомъ дѣлѣ внутренно бѣсился. Онъ ужѐ давно подозрѣвалъ на свою жену: но будучи въ разсуденіи насъ гораздо безсильнѣе, онъ притворился совершенно, и пославъ за свѣжимъ виномъ, сѣлъ онъ за столъ съ своими гостями, и потчивалъ ихъ по своей возможности.

Ужѐ было очень поздо итти Алкузу и Тагеру назадъ въ городъ: когда пришло время встать изъ за стола, то мѣльникъ отвелъ ихъ въ особливую избу, гдѣ поставлена была преизрядная постеля: они бросились на нея во ожиданіи дня; а мѣльникъ пошелъ спать съ своею женою.

женою. Какъ единственно помышлялъ онъ объ одномъ мщеніи, то давши ей время заснуть покрѣпче, сходилъ онъ въ конюшню, снялъ съ своего лошака обрать, и надѣвъ оную женѣ своей на шею, хотѣлъ ея задавить. Но по ея щастію въ самой тотъ часъ, какъ онъ хотѣлъ совершить свое мщеніе, она проснулась, просунула искусно между веревкою и своею шеею кулакъ, не сдѣлавъ ни малѣйшаго крика, и протянувшись такъ какъ человѣкъ мертвой, увѣрила мѣльника, которой работалъ въ темнотѣ, что она умерла. Страхъ, чтобъ не наказану быть за смертоубійство, не позволилъ ему долѣе остаться въ мѣльницѣ: онъ тотчасъ сѣвши на своего лошака, поскакалъ, не оглядываясь, изъ города Балзоры.

Какъ скоро мѣльничиха услышала, что мужъ ея изъ мѣльницы

вышелъ,

вышелъ, то вскочивъ съ постели съ великимъ еще трепетомъ, пошла запереть двери, которыя оставилъ онъ отворены, засвѣтила потомъ свою лампату, и разбудивъ своихъ гостей, которые наслаждались спокойнымъ сномъ, расказала имъ, въ какой была она опасности, и показывала на шеѣ синева̀, знаки жестокосердаго своего мужа.

Тагеръ и Алкузъ удивлялись мѣльникову намѣренію: естьлибъ такимъ образомъ поступать со всѣми невѣрными женами, сказалъ Алкузъ на́-ухо своему другу, то бы и обратей столько не сыскалось: но, любезной мой братъ, продолжалъ онъ ужѐ въ слухъ, выдемъ скоряе изъ мѣльницы: мѣльникъ можетъ еще насъ обвинить въ смертоубійствѣ своей жены: и хотя бы она легко могла доказать въ нашу пользу;

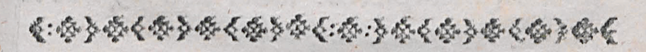
зу; однакобъ со всѣмъ тѣмъ произошло изъ того великое дѣло. Вы нѣсколько справедливо говорите, отвѣчалъ Тагеръ, но оставимъ ли здѣсь прекрасную сію мѣльничиху? Нѣтъ, нѣтъ, сказала она, я всюду пойду за вами: только дайте мнѣ муское платье. Это дѣло не очень трудно, отвѣчалъ Тагеръ, мы почти съ тобою равнаго росту, дойдемъ только до моей квартиры: которую я нанимаю въ Балзорѣ, мы найдемъ тамъ и не одну пару.

Принявши сіе намѣреніе, мѣльничиха осмотрѣла все, чтобы можно было унести съ собою изъ мѣльницы; и два любовника вмѣстѣ съ нею, положа оное на свои плеча, пришли на разсвѣтѣ къ Тагеру, гдѣ сія красавица переодѣлась, и препроводили они много дней во всякихъ веселостяхъ.

Алкузъ

Алкузъ и Тагеръ дѣлились своимъ щастіемъ безъ ревности; но Алкузъ отпустивъ свои товары въ Багдадъ, опасаясь, чтобъ отъ замедленія продажею, цѣна съ оныхъ не збыла, предложилъ Тагеру ѣхать въ сей городъ. Мѣльничиха за ними же туда слѣдовала: и какъ ѣхали они не весьма поспѣшно, то прибыли ужѐ въ оной въ десятой день, да и то въ вечеру, какъ ужѐ городскія ворóта заперты были. Принуждены будучи препроводить ночь въ предмѣстіяхъ онаго, поворотились они назадъ, чтобъ дойти до перваго постоялаго двора. Какъ нечаянно захватилъ ихъ пресильной дождь, то они старались гдѣ нибудь укрыться, и отдавши держать своихъ лошадей одному невольнику, купленному въ Балзорѣ, прислонились они къ маленькой дверцѣ подъ навѣсомъ:

какѣ оной дождь нашелѣ только облачкомѣ, то скоро и миновалѣ: и наши три путеходца дожидаясь чтобѣ оной пересталѣ, совсѣмѣ хотѣли итти на постоялой дворѣ: но какѣ они очень належглись на сїю дверь, которая, видно, не очень хорошо была навѣшена, то она сѣ петель сорвалась, и уронила ихѣ всѣхѣ троихѣ на землю.

ПЯТЬДЕСЯТЪ ШЕСТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Какѣ дверь упавши, застучала, а они повалившись, громко захохотали, то три человѣка, лежавшїе вѣ подклѣтѣ на одной постелѣ, спросили весьма громко: что-то за люди, которые помѣшали имѣ спать. Два друга и мѣльничиха

ха подошли къ постелѣ, чтобъ видѣть, кто имъ говорилъ, и увидѣли при мѣсячномъ свѣтѣ, которой свѣтилъ на постелю, и которой сквозь дождь подавалъ довольно свѣтлости, одного человѣка, похожаго съ виду на носильщика, или на работника, лежавшаго между двумя женщинами, которыя казались быть весьма пригожи, и которыя, также какъ и носильщикъ, закрыли тотчасъ у себя лице.

Толь необычайной случай умножилъ смѣхъ Алкуза и Тагера, и побудилъ ихъ любопытство: они, сдернувъ съ нихъ одѣяло, пришли вдругъ въ удивленіе несказанное, узнавъ въ сихъ двухъ женщинахъ Салле и Лиру: невѣрныя! непотребныя! вскричали тогда сіи два друга, можете ли вы простирать

ваше

ваше непотребство даже до того, чтобЪ отдаться скверному такому носильщику? ПотомЪ обнаживЪ каждой свою саблю, хотѣли было посвятить своихЪ женЪ и носильщика справедливому своему гнѣву, какЪ мѣльничиха бросясь передЪ ними, ахЪ! государи мои, помилуйте, сказала она имЪ, отложите на одну минуту вашЪ гнѣвЪ, и посмотрите пристальнѣе на лицо сего человѣка, которой отЪ страха вЪ обморокЪ упалЪ · послѣ того я не буду удерживать вашего возчувствованія, естьли разсудите вы за благо послѣдовать движеніямЪ, которыя теперь васЪ ослѣпляютЪ.

АлкузЪ и ТагерЪ для угожденія мѣльничихѣ утолили нѣсколько свой гнѣвЪ, разсматривали носильщика, и узнавЪ его, не смотря на великую лица его блѣдность,

такЪ сильно захохотали, что почти изЪ памяти вышли, бросили сабли свои на́-полЪ, и не переставая смѣяться, дали знать СаллѢ и ЛирѢ толь скорою перемѣною, что нѣчево имЪ было больше опасаться о ихЪ жизни. Сіи двѣ жены, видя своихЪ мужей вдругЪ такого веселаго нрава, не проницая тому причины, вскочили тотчасЪ сЪ постели, и повалились кЪ ихЪ ногамЪ, и ожидали сЪ трепетомЪ отпущенія вЪ своихЪ винахЪ, какЪ носильщикЪ отрылЪ свои глаза̀, и лишЪ только на переодѣтую мѣльничиху взглянулЪ, то опять тотчасЪ зажмурился, думая, что конечно пришелЪ по него чортЪ. Государи мои, вскричала тогда сія жена, смѣючись изЪ всей своей силы, мнѣнію носильщика, я не препятствую вамЪ больше слѣдовать движеніямЪ вашего гнѣва: вамЪ теперь остается

ся

ся разсуждать, справедливо ли отмстить сему человѣку: нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ Алкузъ, не должно больше поминать о мщеніи: напротивъ того случай съ нами столько забавенъ, что только лишъ тому смѣяться должно: такъ вотъ мы все трое одинакова щастія: и когда мѣльникъ [ибо онъ са́мой лежалъ на постелѣ между Салле и Лирою] столько же имѣетъ причины жаловаться на насъ, какъ мы на него, то справедливо принять его въ наше дружество, и раздѣлить съ нимъ вмѣстѣ щастіе наше, такъ какъ и нашихъ женъ. Тогда присудствіе Лиры, сколь она невѣрна ни была, возпламенила остатокъ страсти, не совсѣмъ еще погашенной въ сердцѣ своего мужа: я хочу, сказалъ онъ Тагеру и мѣльнику, которой пришелъ ужѐ въ чувство, показать вамъ примѣръ

сове-

совершеннаго примиренія. Онъ поднялъ свою жену, которая отъ стыда была безгласна, и обнявъ ея любезно, Лира, сказалъ онъ ей, я позабываю прошедшее, да притомъ и знать не желаю о обстоятельствѣ твоего поведенія, послѣ твоей невѣрности: оно бы возобновило только въ моемъ сердцѣ рану, отъ которой я хочу, чтобъ и малѣйшаго рубчика не осталось: я совѣтую обѣимъ моимъ товарищамъ сдѣлать тоже, и не сомнѣваюсь, чтобъ мой примѣръ не склонилъ ихъ простить отъ искренности сéрдца своимъ женамъ.

Тагеръ и мѣльникъ не противорѣчили Алкузу, каждой изъ нихъ обнялъ свою жену, и примиреніе между ими сдѣлалось совершенное, по взаимныхъ и чувствительныхъ ласкахъ. Сіи шестеро супруговъ

толь новаго виду, не могли другъ на друга глядѣть, не вспомня всего того, что между ими происходило. Претысячи обстоятельствъ ихъ похожденія, одни другихъ смѣшнѣе, которыя вдругъ имъ приходили на разумъ, дѣлали ихъ чрезвычайно веселыми.

Калифъ-Гарунъ-Аррешидъ, продолжалъ Бенъ-Эридунъ, которой, какъ я ужѐ имѣлъ честь доносить Вашему Величеству, прохаживался часто по ночамъ съ Жафаромъ, былъ въ тотъ вечеръ въ притворномъ платьѣ съ Верьховнымъ своимъ Визиремъ и Мезруромъ, начальникомъ своихъ Евнуховъ: онъ шелъ мимо сего двора, гдѣ происходило толь странное явленіе, какъ великое хохотанье ихъ побудило его любопытство. Какъ дверь была отворена, то вошелъ онъ

безъ доклада, и поклонясь учтиво симъ четыремъ мущинамъ, [ибо мѣльничиха была еще въ мускомъ платьѣ] государи мои, сказалъ онъ имъ, радость ваша столь мнѣ показалась необычайна, что вы простите мое невѣжество, что я вошелъ сюда безъ вашего позволенія, и естьли буду васъ просить и меня участникомъ оной сдѣлать: я чрезвычайно люблю смѣяться, и вы неможете меня чувствительнѣе одолжить, какъ объявленіемъ о причинѣ вашего веселья.

Алкузъ и Тагеръ взглянули въ то время на своихъ женъ, которыя не преминули закраснѣться; и какъ они довольно видѣли, что такое объявленіе не очень бы имъ пріятно было, то просили они съ учтивостію Калифа, не знавъ его, кто онъ таковъ былъ, избавить ихъ отъ откры-

открытія такого дѣла, которое требовало тайности.

Гарунъ - Аррешидъ, милостивѣйшій государь, больше ихъ не принуждалъ: но какъ мѣсто, гдѣ они находились, не весьма спокойно было для препровожденія въ ономъ ночи, то онъ просилъ ихъ не подалеку оттуда въ свой домъ. Они учтивство его приняли, и идучи за нимъ до самыхъ городскихъ стѣнъ, провелъ онъ ихъ сквозь нѣкоторой подземной ходъ, отъ котораго имѣлъ онъ у себя ключь въ маленьной домикъ, весьма чисто убранной. Потомъ тотчасъ подали ужинъ, а сверьхъ того преизряднаго Греческаго вина, которымъ напоилъ онъ ихъ допьяна. Когда же Калифъ примѣтилъ, что вино входило помалу въ голову его гостей, то опять онъ ихъ просилъ

о удовольствованіи его любопытства, по причинѣ чрезвычайнаго ихъ смѣха.

ПЯТЬДЕСЯТЪ СЕДЬМАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Алкузъ и Тагеръ сомнѣвались нѣсколько отказать толь честному человѣку въ обѣявленіи своихъ похожденій: но какъ мѣльничиха грозила имъ расказать и сверьхъ ихъ воли, то Алкузъ началъ рѣчь, и обѣявилъ Калифу все то, что я имѣлъ честь расказывать Вашему Величеству о сихъ шестерыхъ супругахъ. Гарунъ-Аррешиду показалось сіе приключеніе толь странно, что онъ никогда тому подобнаго не слыхивалъ; благодарилъ своихъ гостей за ихъ снисхожденіе, и принудивъ ихъ пить, въ намѣ-

намѣреніи повеселиться на ихъ щетъ, приказалъ Жіафару положить каждому въ ихъ рюмки по щепоткѣ порошка, которой имѣлъ въ себѣ такое дѣйствіе, что человѣкъ спалъ отъ него двенатцать часовъ; и не пощадя ни Верьховнаго своего Визиря ни Мезрура, положилъ искусненько и имъ по щепоткѣ, которая тотчасъ ихъ усыпила. Потомъ разбудилъ онъ двухъ нѣмыхъ, велѣлъ положить всѣхъ ихъ на телѣгу, запряженную по его приказу, и отвести за́-двѣ мили отъ Багдада весьма въ преизрядной домъ, стоящей на берегу рѣки Тигра, и принадлежащей надзирателю надъ его строеніями. Тамъ приказавъ при себѣ раздѣть Алкуза, Тагера, мѣльника и ихъ женъ, велѣлъ на нихъ надѣть изъ самаго тонкаго полотна рубахи и портъі: положилъ ихъ по двое на три кравати,

ти, поставленныя въ одномъ алковѣ. Потомъ вымаралъ самъ сажею Верьховнаго своего Визиря, и надѣвши на него невольничье платье, одѣлъ Мезрура въ женское, и положивъ ихъ обѣихъ на Персидской коверъ у краватей шестерыхъ супруговъ, спрятавшись самъ за ширмы, ожидалъ съ нетерпѣливостію, чтобъ они пробудились. Сіи восемь человѣкъ опамятовались всѣ почти въ одно время, и особливо Алкузъ, Татеръ и мѣльникъ и ихъ жёны крайнѣ удивлялись, лежа въ такомъ мѣстѣ, гдѣ они не помнили, какъ очутились, и видя пребогатыя платья, шитыя золотомъ и серебромъ, которыя казались для каждаго изъ нихъ быть приготовлены.

Они взирали на сіе сновидѣніе съ молчаніемъ, преисполненнымъ удивленія, какъ Визирь Жіафаръ, увидя

видя начальника Евнуховъ въ женскомъ платьѣ, захохоталъ: эй! здравствуй прекрасная моя чернобровка, вскричалъ онъ, все ли ты спала здорово.

Мезруръ, глядя пристально на свое платье, былъ нѣсколько времени безъ языка; напослѣдокъ взглянувъ также и онъ на Жіафара, не могъ отъ смѣху удержаться, видя его такъ вымаранаго, здравствуй, пригожей, чернобровой, отвѣчалъ онъ ему весьма смѣшнымъ видомъ, видно по свѣжей твоей тѣни, что ты спалъ очень спокойно. Жіафаръ сему отвѣту удивившись, смотрѣлъ на свои руки и невольничье платье: онъ нѣсколько позадумался о такомъ странномъ приключеніи, и совсѣмъ не имѣлъ понятія, какъ бы онъ зашелъ въ сіе мѣсто, и кто бы такъ переодѣлъ его и Мез-

рура: но узнавъ трехъ мужей и ихъ женъ, тотчасъ онъ догадался. Это конечно, думалъ онъ, какая нибудь новая забава самодержавнаго правителя правовѣрныхъ: дай же я позабавлю. Тогда обнявъ Мезрура весьма шутливымъ образомъ, любезная моя подруга, свѣтъ очей моихъ, сказалъ онъ ему нѣжнымъ голосомъ, послѣдуемъ примѣру сихъ щастливыхъ супруговъ: я отдаю тебѣ опять всю мою горячность, только съ тѣмъ, чтобъ ты впредь была мнѣ вѣрнѣе: но ежели я еще когда нибудь застану тебя съ прекраснымъ Земрудомъ, какъ то и вчера было, то кленусь тебѣ, что желѣзо или ядъ тотчасъ тебѣ отмстятъ за твою невѣрность.

Начальникъ Евнуховъ, удивясь такому Визирьскому привѣтствію,

гля-

глядѣлъ на него пристально: что ты, Жіафаръ, сказалъ онъ ему, конечно съ ума сошолъ: развѣ ты позабылъ, кто ты таковъ. Нѣтъ, любезная моя Зюлика, отвѣчалъ Жіафаръ, я довольно помню, что я Шапуръ вѣрной твой супругъ: для чего ты притворяешся меня не знать, развѣ ты ужѐ позабыла вчерашнія милости Заэда, нашего господина, что онъ насъ помирилъ съ тобою: не обѣщала ли ты ему, чтобъ тебѣ не видать больше любовника твоего Земруда, и что по примѣру этихъ странствующихъ мужей, которыхъ онъ пустилъ къ себѣ жить, и о которыхъ ты слышала исторію, я чистосердечно простилъ тебѣ твою невѣрность, съ такимъ уговоромъ, чтобъ ты впредь была умнѣе.

Чѣмъ Визиръ говорилъ важнѣе, тѣмъ больше Мезруръ почиталъ

его сумашедшимъ; между тѣмъ незнакомая ихъ надежда въ сомнѣніе его приводила: что ты говоришь мнѣ за здоръ, другъ мой, отвѣчалъ онъ, опомнись хорошенько, вздумай, что я Мезрурь, начальникъ Евнуховъ самодержавнаго Правителя правовѣрныхъ, а ты его Верьховной Визирь: оставь же эту шутку, и перестань . . . Врїошь, перервалъ Жїафаръ, ты сама дура, что такія смѣшныя имѣешь мысли: дай боже, чтобъ ты правду говорила: но вино, которое ты вчера пила, конечно твой мозгъ повредило: вспомни, что мы простые невольники Заздовы, которой наилучшей господинъ изъ всего Багдада.

Жїафаръ, выговоря сїи послѣднія слова, хотѣлъ было въ другой разъ обнять Мезрура, какъ сей

Евнухъ

Евнухъ оттолкнувъ его отъ себя, ты самъ сумозбродишь, отвѣчалъ онъ ему, я свидѣтельствуюсь сими шестью супругами: не имѣли ли мы вчера честь препровождать Калифа въ ночномъ его прогуливанiи? Не вошли ли мы съ нимъ въ одинъ домъ, въ предмѣстiи сего города, куда привлекли его необычайные смѣхи сихъ Евнуховъ? Не позвалъ ли онъ ихъ съ собою, чтобъ препроводить ночь въ домѣ его близъ дворца? Не ужинали ли они тамъ? Не расказывали ли они тамъ свои столь странныя приключенiя? Не мы ли положили въ ихъ вино сонной порошокъ? Ну! брежу ли я теперь? И не ты ли лучше лишился ума, или по крайней мѣрѣ затмился онъ у тебя отъ многихъ паровъ вина̀, котораго ты вчера столь много напился?

ПЯТЬДЕСЯТЪ ОСЬМАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Алкузъ, милостивѣйшій государь, Тагеръ, мѣльникъ и ихъ жёны, слушая съ глубокимъ молчаніемъ споръ Визиря и Евнуха, были въ несказанномъ изумленіи: они слыхивали, что Гарунъ-Аррешидъ часто такимъ образомъ забавлялся; но Жіафаръ и Мезруръ такъ искусно были переряжены, что они не узнали ихъ, и вмѣсто тѣхъ невольниковъ, которые были за тѣмъ, кого Мезруръ называлъ Калифомъ.

Между тѣмъ Гарунъ-Аррешидъ спрятавшись за ширмами, съ превеликимъ удовольствіемъ видѣлъ все происходимое между ими. Онъ на великую силу могъ воздержаться отъ смѣха, видя начальника Евнуховъ въ крайней нетерпѣливости, что Жіафаръ увѣрялъ его

быть

быть своею женою. Я еще тебѣ говорю одинъ разъ, сказалъ онъ ему, что я не прекрасная твоя Зюлика, любовница Земрудова, да я не думаю, чтобъ кто нибудь и въ Багдадѣ этими именами назывался: ты, не вѣдаю я, пьянъ ли или нѣтъ, и не знаю, что тебѣ за удовольствіе меня изъ терпѣнія выводить? Хотя я самъ подлинно не знаю, кто насъ переодѣлъ въ токое платье, однако вѣрно знаю что я Мезруръ, начальникъ Евнуховъ самодержавнаго Правителя правовѣрныхъ, и сажа, которою ты весь вымаранъ, не препятствуетъ мнѣ признать въ тебѣ лицо Верьховнаго Визиря Жіафара. Что касается до сихъ супруговъ, то я также не могу понять, кто бы ихъ, да и насъ съ ними, перенесъ въ такое мѣсто, которое совсѣмъ мнѣ не знакомо: но всѣ эти чудеса состо-

янія моего не перемѣнятъ: я всё-таки буду Мезруръ, а ты Жіафаръ.

Алкузъ, Тагеръ и другія не вмѣшивались въ разговоръ, которой часъ отъ часу возгарался больше тѣмъ, что Евнухъ упрямился признать себя Зюликою, а Жіафаръ крѣпко въ томъ стоялъ, что онъ былъ ея мужъ. Сей послѣдней, представляя совершенно дѣйствующее свое лицо, притворился напослѣдокъ быть въ великомъ сердцѣ на Мезрура: онъ влѣпилъ ужè ему нѣсколько кулаковъ, противъ которыхъ и другой отвѣтствовалъ совсѣмъ не въ шуткахъ, какъ Калифъ будучи въ купеческомъ платьѣ, стоя за ширмами, разрывался смѣючись, вошелъ въ тотъ покой, гдѣ сіе дѣйствіе происходило. Зюлика, сказалъ онъ важнымъ голосомъ,

лосомЪ, оборотясь кЪ начальнику Евнуховъ, по какой причинѣ мужЪ твой еще сЪ тобою дерется: вы мнѣ вчера оба обѣщали жить вЪ совершенномЪ согласіи: такЪ ли уже вы помните ваше обѣщаніе, и не новая ли какая ревность кЪ прекрасному Земруду побуждаетЪ Шапура столь худо сЪ тобою поступать?

Нечаянное присудствіе ГарунЪ-Аррешида, разговорЪ его кЪ Мезруру, называя его Зюликою, вЪ такое привелЪ его замѣшательство, что онЪ не могЪ ничего отвѣтствовать: онЪ вЪ то уже только время догадался, что конечно КалифЪ сдѣлалЪ оное для своей забавы, и что ЖіафарЪ поступилЪ разумно: тогда онЪ сильно захохотавЪ, милостивѣйшій государь, говорилЪ Калифу, бросясь кЪ его

ногамЪ,

ногамЪ, я признаюсь, что ЖіафарЪ во сто разЪ меня умнѣе; однако я почитаю себя щастливымЪ, что моя глупость могла нѣсколько увеселить Ваше Величество. Мнѣ бы очень досадно было, любезной мой МезрурЪ, отвѣчалЪ КалифЪ, когда бы и ты столькоже догадливЪ былЪ, какЪ ЖіафарЪ, и я бы твоимЪ смущеніемЪ столько не забавлялся: но когда ужѐ напослѣдокЪ я открылся, то хотѣлось бы теперь мнѣ знать, что думали о вашемЪ спорѣ ТагерЪ, АлкузЪ, мѣльникЪ и ихЪ жѐны. Самодержавный Правитель правовѣрныхЪ, сказалЪ тогда АлкузЪ, которому такЪ какЪ и его товарищамЪ не можно было изЪ почтенія встать сЪ постели, чтобЪ поклониться Калифу. Богатое убранство сей комнаты и великолѣпное платье, лежащее на сихЪ софахЪ, воображало намЪ спорЪ Жіафара сЪ Мезру-

Мезруромъ, такъ какъ сновидѣніе, или какъ мечта, которая представлялась намъ отъ кипящей въ насъ крови, по причинѣ множества выпитаго нами вина: да я еще и теперь заподлинно не увѣряюсь, что не бредится ли мнѣ, что я имѣю честь говорить предъ Вашимъ Величествомъ, столько то все сіе кажется мнѣ чрезъестественнымъ.

Калифъ не могъ воздержаться отъ смѣха мнѣнію Алкузову: нѣтъ, нѣтъ, сказалъ онъ ему, вы очень хорошо всѣ пробудились: вставайте, и возмите каждой по назначенному для васъ платью, которымъ я васъ дарю за ваше увеселеніе, объявленіемъ мнѣ вашихъ похожденій: теперь можете возвратиться вы домой: а для васъ приготовленныя ужѐ стоятъ и лошади.

Гарунъ - Аррешидъ, милостивѣйшій государь, послѣ сихъ словъ вышелъ въ другую комнату съ Жіафаромъ и Мезруромъ, изъ которыхъ первой вымылся, и перемѣнили оба свои платья, также какъ и Калифъ: а между тѣмъ шестеро супруговъ одѣлись въ подаренное имъ отъ Калифа великолѣпное платье, и отблагодаривъ за его щедрость, разошлись они по своимъ домамъ. Впрочемъ же, милостивѣйшій государь, я ужѐ не знаю, содержали ли свои обѣщанія Лира, Салле и мѣльничиха, чтобы быть впредь вѣрными своимъ мужьямъ.

Такое странное приключеніе, которое раскaзывалъ Бенъ - Эридунъ, чрезвычайно Шемсъ - Эддина забавляло. Сколь печаленъ нещастной сей Государь ни былъ, однако слыша такія похожденія, многократно

кратно улыбался. Любезной мой Визирь, говорилъ онъ Абюбекерову сыну, естьлибъ кто нибудь въ состояніи быть могъ привести у меня въ забвеніе лишеніе дражайшей моей Зебдѣ-Эль-Катоны, то конечнобъ ты только одинъ могъ исполнить толь трудное дѣло: но я довольно вижу, что такое предпріятіе превосходитъ человѣческія силы, и что должно повиноваться провидѣнію Всемогущаго, у котораго ежедневно я прошу объ одной только милости, чтобъ по крайней мѣрѣ ты меня пережилъ, дабы могъ я забавляться твоими разговорами до того времени, какъ угодно будетъ великому нашему пророку представить меня престолу величества Божія. Ахъ! милостивѣйшій государь отвѣчалъ Бенъ-Эридунъ, обнимая ноги Царя Астраханскаго, какая высокая милость

кЪ вашему рабу: и для чего не позволено мнѣ отдать мою жизнь для приведенія моего Государя вЪ совершенное благополучіе? Я клянусь шестью каплями Магометова (*) пота, которыя произрастили розы и пшено, чтобЪ я отЪ всего моего сéрдца посвятилЪ оную за Ваше Величество: но не должно, милостивѣйшій государь, совсѣмЪ лишаться надежды, и естьли можно вѣрить иногда снамЪ, то бывшее мнѣ вЪ нынѣшнюю ночь сновидѣніе заставляетЪ меня думать, что

(*) Когда МагометЪ обходилЪ вокругЪ престола Божія вЪ раю, прежде нежели показаться людямЪ, то БогЪ оборотясь кЪ нему, на него взглянулЪ: МагометЪ столько отЪ того застыдился, что прошибЪ его потЪ, и отирая свой потЪ своими пальцами, капнуло сЪ нихЪ шесть капель вонЪ изЪ рая, изЪ которыхЪ одна тотчасЪ произрастила розу и пшено. Обыкновенная клятва восточныхЪ народовЪ.

что Ваше Величество можете получить въ вашей печали облегченіе. А какой же ты видѣлъ сонъ, отвѣчалъ скоропостижно Шемсъ-Эддинъ? Я спалъ, милостивѣйшій государь, весьма крѣпко, какъ сильнымъ вѣтромъ отворило вдругъ въ моей комнатѣ окошко: я отъ сего стука тотчасъ пробудился, и въ несказанное пришедъ удивленіе, видя у моей кровати (*) бурака великаго нашего пророка, которой около меня ласкался, понуждаемъ будучи въ сіе время конечно божественнымъ духомъ я очистился, и совершивъ мою молитву, сѣлъ на сіе животное, которое несло меня по воздуху съ невѣроятною скоростію. Наконецъ, милостивѣйшій

(*) Буракъ есть животное меньше лошака, а побольше осла, которой происхожденіе свое имѣетъ отъ сихъ двухъ скотовъ, и котораго Богъ прислалъ къ Магомету, чтобъ отвести его на небо.

шій государь, пріѣхалъ я въ Серендибъ, гдѣ первой встрѣтившейся мнѣ человѣкъ былъ мой отецъ: я тотчасъ съ своего возника сошолъ, привязавъ его къ дереву; потомъ Абюбекеръ, взявъ меня за-руку, ввелъ въ одну мечеть, у которой дверь тотчасъ за нами сама собою заперлась: покланяйся посланнику Божію, сказалъ онъ мнѣ, повергнувъ себя лицомъ на землю. Богъ есть Богъ, вскричалъ я, а Магометъ великой его пророкъ. Едва лишь, милостивѣйшій государь, я сію молитву, столь обыкновенную между нами, окончилъ, какъ Магометъ самъ, окруженъ будучи блистательнымъ свѣтомъ, явился мнѣ: онъ держалъ за руку одну женщину невиданной еще красоты: щастливой Шемсъ-Эддинъ, говорилъ онъ тогда, сколь твой жребій достоинъ зависти: ты нако-

находишь жену равнаго достоинства моимЪ ГурисамЪ: естьлибЪ я когда возвратился на землю, тобЪ совершенно доволенЪ былЪ владѣть равномѣрною женою. Темнота скрыла отЪ моихЪ глазЪ нашего пророка, вЪ самой тотЪ часЪ, какЪ отдавалЪ онЪ сїю женщину вЪ руки Абюбекеру: я ужè не помню, какЪ я опять очутился на моемЪ буракѣ: я полетѣлЪ сЪ такою же скоростїю, какЪ и прежде, возвратился вЪ мою комнату, легЪ опять на постелю, и проснулся не ранѣе, какЪ около утренней молитвы: но только такЪ усталЪ, что хотябЪ и вЪ самомЪ дѣлѣ сЪѣздилЪ вЪ толь короткое время вЪ СерендибЪ, то не можнобЪ было больше устать. ВотЪ, милостивѣйшїй государь, мое сновидѣнїе: дай Боже, чтобЪ оно предзнаменовало скорой конецЪ вашихЪ злополучїй. АхЪ!

любе-

любезной мой Бенъ-Эридунъ, вскричалъ горестно Шемсъ-Эддинъ, сколь далеко я еще отъ того отстою: хотябъ я по прїѣздѣ твоего отца и зрѣнїе получилъ, да могу ли когда нибудь возвратить неоцѣненную мою Зебдъ-Эль-Катону, которой лишился я на вѣки: оставимъ, любезной мой Визирь, оставимъ такїя горестныя и печальныя мысли: я обѣщалъ ей при послѣднемъ нашемъ разлученїи послѣдовать безъ роптанїя моей судьбинѣ, и оное исполнялъ понынѣ: но естьлибъ Магометъ хотѣлъ мнѣ сдѣлать милость, то давно бы ужѐ прекратилъ мои нещастїя, извлекши меня отъ сей несносной жизни, въ которой не имѣлъ я упокоенїя въ моихъ печаляхъ, какъ только съ того времени, что ты стараешся оныя на нѣсколько времени въ забвенїе привести разумными твоими

и

и забавными исторіями. Продолжай, любезной мой другЪ, продолжай твое дѣло; удали печальное сіе напамятованіе какою либо новостію. Извольте, милостивѣйшій Государь, отвѣчалЪ БенЪ-ЭридунЪ, стараясь, какЪ возможно, утаить слёзы текущія изЪ его глазЪ о нещастіи своего Государя, не угодно ли будетЪ Вашему Величеству выслушать теперь похожденія морскаго разбойника Фарука? СЪ великою охотою, сказалЪ ШемсЪ-ЭддинЪ: я немалое пріемлю участіе вЪ жребіи нещастнаго сего Принца, по тому что мнѣ помнится онЪ называлЪ себя симЪ именемЪ. Это правда, милостивѣйшій Государь, отвѣчалЪ молодой Визирь, вы изволите увидѣть, что его жизнь есть сокращеніе всѣхЪ нещастій, я не только раскажу вамЪ исторію его до разлученія сЪ При-

цессою Гюльгюли-Шемамеею, но еще и все то, что читалъ объ немъ въ древнемъ Арабскомъ авторѣ, который писалъ исторію Царей, владѣвшихъ въ островахъ Диваннюрускихъ.

ПОВѢСТЬ

О Фарукѣ.

Напередъ сего былъ на горѣ Кавказской маленькой городокъ, называемый (*) Гуръ, по причинѣ великаго множества дикихъ ословъ, которые водились не подалеку въ находящемся оттуда лѣсу: Царь, владѣвшій въ сей землѣ, имѣлъ у себя четырехъ сыновей, родившихся въ одинъ день отъ четырехъ разныхъ Султаншъ, одинъ назывался

(*) Гуръ, на Персидскомъ значитъ дикой оселъ.

ся Сюффракъ , другой Кобадъ , третей Бзармегеръ , а четвертой Фарукъ.

Царь столь равномѣрно всегда любилъ своихъ четырехъ сыновей, что ни одного предпочетши другому не могъ избрать своимъ наслѣдникомъ : но естьли кто изъ нихъ достойнѣе былъ къ воспріятію престола по смерти своего отца, то конечно предпочесть надлежало всѣмъ другимъ Фарука, который имѣлъ въ себѣ всѣ склонности и качества великаго Государя. Будучи двенатцати лѣтъ искуснѣе во всѣхъ наукахъ своихъ братьевъ , не проходило ни одного дня , чтобъ онъ когда не заслужилъ себѣ похвалъ отъ Гурскаго народа, и Ваше Величество можете разсудить , что сіе чувствительно огорчало его братьевъ.

Сей Принцъ часто разговаривалъ съ ними, какое произойдетъ по смерти отца ихъ замѣшательство во владѣніи царства Гурскаго. Одинъ изъ насъ будетъ царствовать, говорилъ онъ имъ, а другіе трое что будутъ дѣлать? Я почитаю жребій ихъ весьма жалостнымъ, когда только будутъ они имѣть честолюбіе. Предупредимъ же, отвѣчалъ Сюффракъ, сіе злополучіе за благовременно; мы имѣемъ астролога Зейфадина, по разумнымъ котораго совѣтамъ кажется солнце и звѣзды учреждаютъ свое теченіе: уста его есть сокровище вышней премудрости, и можно бы сказать, что онъ всегда оными почерпалъ изъ источника разума. Пойдемъ совѣтовать къ нему о нашей судьбинѣ, да только одѣнемся такъ, чтобъ онъ не могъ инако насъ признать, какъ дѣй-

ствіемъ

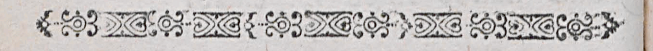
ствіемъ своей науки: присягнемъ другъ другу положиться на его рѣшеніе; и когда его предсказанія почитаются между нами за соизволенія небесныя, то повинемся онымъ безъ роптанія, и чтобъ троимъ изъ насъ, которые исключены будутъ отъ престола, итти искать въ иномъ мѣстѣ случая для оказанія своей храбрости, и стараться своимъ мужествомъ завоевать какое либо царство.

Четыре брата будучи одного мнѣнія, тотчасъ переодѣлись, пошли не внявъ за собою никого изъ провожатыхъ, и чрезъ нѣсколько дней пришли на верьшину горы Кавказа, гдѣ Зейфадинъ имѣлъ свое жилище.

Сей пустынникъ стоялъ на молитвѣ, когда они постучались у

 его

его двери, онъ не хотѣлъ оной оставить, чтобъ имъ итти отворить. Но какъ они стучались гораздо крѣпче: царскія дѣти, вскричалъ онъ не трогаясь съ своего мѣста, подождите на часокъ; тотъ, который однимъ только мановеніемъ руки можетъ поворотить всею небесною твердью, долженъ предпочтенъ быть всѣмъ смертнымъ: я скоро къ вамъ выду.

ПЯТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Дѣти Царя Гурскаго чрезвычайно удивились, слыша, что Зейфадинъ узналъ ихъ еще и не видая. Они съ почтеніемъ ожидали окончанія его молитвы: на послѣдокъ онъ отворилъ, и еще гораздо больше прежняго удивилъ, называя

ка-

каждаго изъ нихъ поимянно, и сказавъ имъ о причинѣ ихъ прихода. Мнѣ не трудно, государи мои, сказалъ онъ, удовольствовать ваше желаніе; но только всегда почти опасно бываетъ хотѣть проникать въ будущее, и вы безъ сомнѣнія не довольны будете моимъ отвѣтомъ тѣмъ наипаче, что я предвижу, что тотъ, который назначенъ будетъ наслѣдникомъ Царю своему отцу, подверженъ быть имѣетъ смерти до возвращенія еще въ Гуръ, и что родные его братья сдѣлаются нѣкогда злѣйшими его непріятелями. Сей отвѣтъ долженствовалъ бы Принцовъ устрашить, и Фарукъ соглашался было, чтобъ не простирать далѣе своего любопытства: но братья его противясь разумнымъ его совѣтамъ, принудили своимъ неотступнымъ прошеніемъ астролога изъяснить

имѣ то, чего нетерпѣливо они знать желали.

Когда ничто не можетѣ васѣ отвратить отѣ вашихѣ намѣреній, сказалѣ имѣ премудрый Зейфалинѣ, то сойдите по маленькой тропинкѣ вдоль горы; вы найдете тамѣ передѣ вечеромѣ одну женщину, которая вамѣ обѣявитѣ, кто изѣ васѣ четверыхѣ предопредѣленѣ имѣть Гурскую корону.

Принцы повинуясь астрологу, пошли по показанной имѣ дорогѣ, и пришли около вечера на небольшую долину, окруженную горами, и по срединѣ которой выходилѣ густой дымѣ изѣ отверстія, сдѣланнаго на подобіе колодезя; подлѣ онаго сидѣла одна старуха на большомѣ камнѣ. Конечно тутѣ, говорили промежѣ собою братья, должны

жны мы увѣдомиться о нашемъ жребіи. Тогда подошедъ они къ старухѣ, обѣявили ей причину своего прихода; она велѣла имъ разуться, и бросать по одиначкамъ въ сіе отверстіе свои сапоги. Какъ лишь скоро Сюффракъ повелѣніе ея исполнялъ; то слышанъ былъ прежасной шумъ, и его сапоги выброшены будучи оттуда, упали у Принцовыхъ ногъ всѣ закоптѣвши отъ дыма, и половину сожжены. Кобадъ и Бзармегеръ равномѣрное же съ своими сапогами видѣли; но Фарукъ во всемъ шуму противной имѣлъ жребій, шуму не слышно было никакого, дымъ на короткое время перересталъ, и сапоги его выброшены были изъ сей бездны безъ всякаго поврежденія. Такъ это вы, государь мой, сказала ему старуха, назначены быть нѣкогда Царемъ Гурскимъ, по тому что вотъ

вѣрной знакъ, по которому Зейфе-динъ, предвидя пришествіе ваше въ сіи мѣста, увѣрилъ меня, что я васъ узнать могу: возьмите назадъ, государь мой, ваши сапоги, и продолжайте вашъ путь.

Сколько Фарукъ чувствовалъ отъ сего предсказанія потаенной радости, столько три его брата возъимѣли въ своемъ сердцѣ ревности и досады. Однако ничего того не оказывали; но вознамѣрясь не допустить Фарука на царство, зговорились потаенно его истребить.

Надлежало для возвращенія въ Гуръ необходимо итти сквозь тѣсной проходъ между двумя горами, и чрезвычайно опасно было остаться ночью въ околичностяхъ сего мѣста, по причинѣ преужасныхъ змѣй, которыя обыкновенно на холодокъ выходили. Тутъ-то сіи трое завидливые предпріяли погу-

бить Фарука, который не зналъ сего обстоятельства. Они предложили ему, чтобъ тутъ переночевать: Фарукъ намѣреніямъ ихъ не противился, они нѣсколько поѣли, и легли на траву: но какъ скоро увидѣли, что братъ ихъ заснулъ крѣпко, то тотчасъ вскоча удалились сами отъ толь опаснаго мѣста.

Змѣи по своему обыкновенію собрались около половины ночи; преужасное ихъ шипѣніе слышимо было далѣе полумили; они приближались къ тому мѣсту, гдѣ спалъ Фарукъ, и окруживъ его, хотѣли было на него броситься, какъ къ великому его благополучію, нѣкоторый духъ пролетая по воздуху, сжалился на сего нещастнаго: онъ бросився на змѣевъ, нѣкоторыми словами такъ ихъ сдѣлалъ, что они казались быть каменными.

Фарукъ, милостивѣйшій Государь, пробудившись, чрезвычайно устрашился, видя свою смерть со всѣхъ сторонъ: онъ думалъ, что братьевъ его змѣи уже пожрали; но примѣтя ихъ всѣхъ неподвижными, осмѣлился онъ по нимъ итти, и поворотилъ на Гурскую дорогу, такъ что ни одно изъ сихъ опасныхъ пресмыкающихся не въ состояніи было ему никакого вреда учинить. Онъ отъ добраго сердца плакалъ о смерти своихъ братьевъ, какъ пришедши въ Гуръ, увѣдомился онъ, что они пришли туда болѣе шести часовъ: они возвращенію его крайнѣ удивились, и увѣряли его, что страхъ, наведенный имъ отъ одного шипѣнія змѣевъ, принудилъ ихъ каждаго бѣжать въ свою сторону, совсѣмъ не помышляя того, что они оставляли его почти на извѣстную смерть. Фарукъ

рукѣ желалъ лучше удостовѣриться худою сею отговоркою, нежели подозрѣвать своихъ братьевъ въ толь безсовѣстной измѣнѣ. Онъ по своему великодушію не сдѣлалъ имъ за то и худаго лица̀, и жилъ съ ними во всемъ по прежнему, не принуждая ихъ къ исполненію присяги, учиненной ими при выходѣ изъ Гура, въ томъ, чтобъ положиться на избраніе одного изъ ихъ наслѣдникомъ по мнѣнію астролога.

Не прошло больше осьми мѣсяцовъ по возвращеніи Принцовъ отъ Зейфадина, какъ Царь, ихъ отецъ, будучи на охотѣ, упалъ съ своей лошади, и убился до смерти. Онъ наслѣдникомъ послѣ себя никого изъ нихъ не объявилъ, и три брата не утверждаясь на предсказаніе старухи, къ которой посылалъ ихъ Зейфадинъ, всякой набралъ себѣ партію, чтобъ исключить Фа-

рука, и на мѣсто его себя принудить выбрать. Сей послѣдній ясно тогда увидѣлъ всю злость своихъ братьевъ: онъ немедлѣнно собралъ Гурскихъ вельможъ, раскавалъ имъ путешествіе свое къ астрологу, и они повѣрили ему въ томъ, или лучше любя его другихъ братьевъ, тотчасъ склонились на его сторону.

Такимъ образомъ были въ Гурѣ четыре разныя партіи во всякой готовности къ истребленію одна другой, и вскорѣ неминуемо началась преужасная междоусобная война, какъ весь народъ, акибы внушаемъ отъ Бога, положа оружіе, сошелся въ одно мѣсто, предложилъ Принцамъ, чтобъ положиться на избраніе того, кто завтрашній день войдетъ превой въ городъ, и обѣявилъ имъ притомъ, что когда они на сей договоръ не

скло-

склонятся, то исключатъ ихъ всѣхъ четверыхъ отъ престола. Сюффракъ, Кобадъ и Бзармеферъ съ великимъ трудомъ могли на оное предложеніе согласиться, которому Фарукъ не противился: но необходимо надлежало скалониться; и Гурскіе вельможи заперевъ ихъ каждаго порознь, и приставя къ ихъ покоямъ часовыхъ, для недопущенія до какоголи бо подлога, велѣли запереть городскія ворота, и поставить крѣпкой караулъ.

Весь народъ простоялъ во всю ночь на городовой стѣнѣ во ожиданіи того, которой имѣлъ принести въ Гуръ миръ: и насталъ ужè день, не видавъ еще ни одного человѣка, какъ усмотрѣли вдали идущаго стараго (*) Календера почти нагаго. Воздухъ наполнился ра-

радостными восклицаніями; тотчасъ отворили ворота съ той стороны откуда онъ шелъ; побѣжали ему на встрѣчу, и привели его, какбы въ тріумфѣ во дворецъ, гдѣ стояло еще мертвое Царя тѣло.

Календеръ удивился тому чрезвычайно, и не зналъ чему приписывать все сіе происшествіе: однако скоро его увѣдомили, что онъ долженъ имъ назначить Царя, и что имѣетъ только избрать одного изъ четырехъ Принцовъ, которые полагались

(*) Календеры во всей восточной странѣ называются люди, обо всемъ почти въ свѣтѣ, по видимому безпечные: они оставляютъ отцовъ, матерей, женъ, дѣтей и сродниковъ для странствованія по всему свѣту, и живутъ мирскимъ подаяніемъ: однако со всѣмъ тѣмъ не весьма они строгіе наблюдатели своего закона; на противъ того многіе изъ нихъ живутъ въ великомъ безпутствѣ и своевольствѣ.

гались на его разсужденіе. Сей Календеръ былъ старикъ весьма разумной: онъ довольно зналъ, что назначивъ одного изъ Принцовъ, сдѣлаетъ ему другихъ троихъ непріятелями: и чтобъ оное рѣшить не самимъ собою, онъ выдумалъ нижеслѣдующее средство: Онъ велѣлъ принести мертвое Царя тѣло, привязалъ оное къ дереву, и назначивъ весьма довольное разстояніе, сказалъ, что тотъ, который изъ четырехъ братьевъ попадетъ стрѣлою въ самое сердце, будетъ наслѣдникомъ своему отцу.

Чтобъ не подать причины между Принцами къ жалобамъ, повелѣлъ онъ имъ бросить жребей, кому изъ нихъ достанется начинать: по сему имѣя первенство Кобадъ, первую стрѣлу пустилъ, онъ и попалъ отцу своему въ горло: Бзармегеръ, будучи не много его

искуснѣе,

искуснѣе, стрѣлилъ въ грудь не дотрогиваясь до сердца, а Сюффракъ ударилъ его въ брюхо.

Очередь пришла ужѐ до Фарука, и народъ зная его искусство, не сомнѣвался ни мало, чтобъ не остался онъ побѣдителемъ, какъ сей Принцъ переломилъ свой лукъ и свой стрѣлы.

КОНЕЦЪ ТРЕТЕЙ ЧАСТИ.

